

Александр Михайловский
Юлия Маркова

ВОЙНА ЗА ПРОЛИВЫ РЕШАЮЩИЙ УДАР

Рандеву с "ВАРЯГОМ" - 9

Ангелы в погонах

Александр Михайловский

**Война за Проливы.
Решающий удар**

«Александр Михайловский и Юлия Маркова»

2021

Михайловский А. Б.

Война за Проливы. Решающий удар / А. Б. Михайловский —
«Александр Михайловский и Юлия Маркова», 2021 — (Ангелы в
погонах)

Девятый и заключительный том серии «Рандеву с Варягом». Отгремели последние раскаты взрыва гигантского метеора, к которому навсегда теперь прилипло наименование «Лондонский». Мир восхищен, озадачен и испуган. Четыре года русский император Михаил скрывал от всех огромную мощь, способную разрушать царства и уничтожать целые армии, а применил ее для того, чтобы спасти от уничтожения столицу своего злейшего врага. Тем временем сражения в Македонии, по причине полного поражения турецкой армии, почти затихли, и болгары перебрасывают дивизии во Фракию для действий на Константинопольском направлении. Русский Черноморский флот и армия готовы прийти к ним на помощь в решающей схватке. Людоедский режим Оттоманской Порты, виновник множества кровавых преступлений, должен быть разрушен. Начинается основная фаза Войны за Проливы. А для остальной Европы пришло время Великих Перемен. Фигуры на европейской шахматной доске расставлены, все ритуальные слова произнесены - и теперь осталось только сделать первый ход.

© Михайловский А. Б., 2021

© Александр Михайловский и Юлия
Маркова, 2021

Содержание

Вместо пролога	5
Часть 33	9
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр Михайловский, Юлия Маркова

Война за Проливы. Решающий удар

Вместо пролога

3 июля 1908 года. 03:56. Международное положение в Европе в последние предвоенные минуты.

Смерть австро-венгерского императора Франца-Иосифа ни на гран не поколебала решимости российского императора Михаила разрушить до основания это зловерное образование – Австро-Венгерскую империю, и распихать по углам ее протухшее наследство. Вечером второго числа был подписан Манифест о начале войны, после полуночи его зачитали в ротах, батареях, сотнях и эскадронах, а к рассвету все уже было готово к началу банкета. Батареи – на позициях, роты и эскадроны – на исходных рубежах для атаки. Как правильно сказал эрцгерцог Франц Фердинанд, в надлежашее время у корпуса генерал-лейтенанта Бережного (помимо штатных для морской пехоты батарей из четырех 82-мм минометов в каждой роте и по четыре «самовара» калибром в 120-мм в каждом батальоне) нашлась и артиллерия, и кое-что похлеще, на военном языке называемые «средствами усиления».

И этим усилением был не только самоходный артиллерийский дивизион, дивизион «Буратин» и дивизион РСЗО Торнадо-С, танковая рота на Т-72, прибывшие из будущего вместе с эскадрой адмирала Ларионова. На время операции на сугубо сухопутном направлении главного удара корпусу генерала Бережного была придана отдельная тяжелая артиллерийская бригада¹ резерва Императорской Ставки в корпусное подчинение, а также по одному отдельному артдивизиону пятидюймовых орудий образца 1907 года из того же резерва на каждую бригаду. При этом с воздуха действия корпуса будет поддерживать разведывательная эскадрилья «утят» (12 аналогов У-2) и единственный пока в имперских ВВС полк «ишачков» (24 аналога И-5).

Император Михаил Второй и в самом деле сделал ставку на победу одним таранным ударом в наиболее уязвимое место противника. Поэтому группировку на главном стратегическом направлении он по возможности старался усилить всеми возможными способами. Помимо корпуса морской пехоты, там будут задействованы 1-й, 18-й и 22-й армейские корпуса. Все эти четыре корпуса составят Армию Особого Назначения, подчиняющуюся непосредственно Императорской Ставке. Подготовка и вооружение у первых двух корпусов если и хуже, чем у головорезов Бережного, то ненамного. В мирное время оба этих соединения дислоцируются в Санкт-Петербурге, а потому, наряду с Гвардией, находятся под пристальным вниманием самого императора. 22-й армейский корпус, местом постоянного расквартирования которого является Гельсингфорс, немного попроще, но и его боеготовность на высоте. Финляндия вообще не самый простой участок работы, там до сих пор до конца не задавлены очаги сепаратизма и шведского реваншизма.

Но и это далеко не все: если прорыв Армии Особого Назначения через Татры не вынудит Австро-Венгрию к капитуляции, в дело пойдет дислоцированная сейчас во втором эшелоне 1-я конная армия под командованием генерал-лейтенанта Федора Артуровича Келлера, который имеет заслуженную славу лихого и отчаянного командира. Шашки наголо – и широким веером с севера на юг, с приказом жечь все что горит, навстречу такой же конной армии за номером

¹ Тяжелая гаубичная артиллерийская бригада имеет в своем составе 96 гаубиц (8 дивизионов по 12 орудий) калибра 152,4 мм образца 1907 года. Вес гаубицы – 2,7 тонны; облегченный лафет с раздвижными станинами, дульный тормоз, длина ствола 16 калибров, максимальный угол возвышения 65 градусов, максимальная дальность стрельбы 10500 метров.

два, под командованием генерала Брусилова. И тогда речь пойдет уже не о капитуляции, а о полном уничтожении.

А на той стороне границы, в полосе будущего прорыва, пехотная бригада из сотой дивизии регулярной австро-венгерской армии и три дополнительных батальона венгерского гонведа сейчас торопливо роют жиденькие окопчики вокруг приграничной железнодорожной станции Тшебиня. Против силы, готовой на них обрушиться, их укрепления выглядят несерьезно, и расквартированные в Кракове (волшебное слово «казарменный фонд») основные силы первого армейского корпуса не смогут прийти к ним на помощь. На этот крупный приграничный мегаполис навалятся одновременно первая и вторая русские армии, обеспечивающие прорыв группировки генерала Бережного – они стиснут его железным кольцом окружения и при необходимости возьмут штурмом, если даже для этого придется не оставить от него камня на камне.

Основные силы австро-венгерской армии в Галиции расположены на востоке этой австро-венгерской провинции, в окрестностях Перемышля (X армейский корпус) и Лемберга (XI армейский корпус). По старым планам, составленным еще до распада австро-германского альянса, с началом войны эта группировка должна была наступать на север, срезая выступающие в Европу Привисленские губернии Российской Империи. Но теперь, по известным причинам, такой образ действий не представлялся возможным, и галицийская группировка австрийской армии приготовилась отчаянно защищаться от натиска третьей и четвертой русских армий, с боями отходя на карпатские перевалы.

В общем и целом действия сторон должны были повторить Галицийскую битву 1914 года нашей истории – с той лишь разницей, что на этот раз Австро-Венгрия не имела возможности для проведения мобилизации и так же, как и Россия, могла рассчитывать только на армию мирного времени. Только в России части постоянной готовности по численности в несколько раз превышают австро-венгерскую армию, и ни о каких встречных наступлениях (какие имели место в сражении за Галицию в нашей истории) Франц Конрад фон Хётцендорф ныне не может и мечтать. Только оборонительное сражение – с поэтапным отступлением с рубежа на рубеж и последующей жесткой обороной на карпатских перевалах. Да только незадача австрийского командования заключается в том, что Галиция – это не основное, а отвлекающее направление наступления, и, невзирая на ярость, с которой русские солдаты будут рваться вперед, судьба войны решится не здесь. К тому моменту, когда австро-венгерские солдаты отойдут на перевалы, все уже закончится, и будет поздно махать кулаками после драки.

Еще южнее, в Трансильвании, XII армейский корпус австро-венгерской армии готовился к наступлению на Бухарест. Франц Конрад фон Хётцендорф, уверенный, что кругом враги, решил, что объявление мобилизации в Румынии предшествует ее присоединению к врагам Австро-Венгрии, и приказал нанести превентивный удар. Уж на румын возможностей австро-венгерской армии хватит с гарантией. И в то же время на территорию все той же несчастной Румынии с востока собиралась вторгнуться пятая русская армия, с запада – четвертая болгарская. В то же время шестая русская армия грузится на пароходы в Одессе, Николаеве, Херсоне и Севастополе – чтобы под прикрытием Черноморского флота десантироваться на черноморском побережье Румынии, в том числе и в Констанце. Король Кароль, объявляя мобилизацию, не рассчитывал на такое тотальное окружение его страны и последующую схватку победителей над холодным трупом румынского государства.

На сербском фронте война началась как бы сама собой. Там австро-венгерская осадная артиллерия через реку бомбардирует Белград, а в ответ за Дунай летят снаряды из сербских пушек. Там льется кровь, умирают солдаты и мирные жители, а на Качинском аэродроме в Крыму готовятся к вылету почти на пределе своего боевого радиуса самолеты из бывшей авиагруппы «Адмирала Кузнецова» – единственная возможность наказать хулиганов и напомнить сербам о том, что они не одиноки. Сербия готова к сражению за свое будущее, ее солдаты храбры и готовы умереть, потому что они сражаются за свою землю и свободу. Огнем восстания

полыхает уже вся Босния и Сербская Краина в Хорватии, там тоже гремят выстрелы и льется кровь, ибо хорваты, венгры и австрийцы ответили на сербское восстание безудержной резней, не замечая, как к ним самим присматривается молодой хищник по имени Италия. Ливия пока позабыта, теперь главный интерес итальянского короля – Триест и окрестности. В Риме уже прикидывают, сколько они смогут получить от русских, если откроют против Австрии еще один фронт.

Готовится к войне и Германия, причем эта подготовка напоминает безумную чехарду, способную запутать кого угодно. Там, как и в Австро-Венгрии, три дня назад объявили мобилизацию, солдаты кадровой армии в местах постоянной дислокации торопливо грузятся в вагоны, чтобы отправиться на фронты будущей войны, а их место в казармах занимают свежемундированные резервисты из ландвера. Одни поезда мчат на запад в Эльзас и Лотарингию, а также на бельгийскую границу, другие направляются на юг – в Саксонию и Баварию, откуда открывается прямая дорога на Вену и Прагу. Лозунг «все немецкое должно быть немецким», брошенный русским императором Михаилом, все больше овладевает германскими массами, и от этой идеи беспокойно оглядываются даже в Швейцарской Конфедерации. А ну как их тоже коснется это поветрие? Кайзер Вильгельм – личность политически непредсказуемая, сегодня он собрался прирезать к себе Австрию, а завтра дело дойдет и до Швейцарии.

Но никому невдомек, что вся эта деятельность – больше напоказ, на потребу шпионам из французского Второго Бюро, а на самом деле в Эльзасе уже все готово для начала последней франко-германской войны. Серьезные люди в мундирах цвета мышиной шкурки, поплевав на руки, уже взялись за кирки и заступы, готовясь перечеркнуть континент окопами от швейцарской до голландской границы. А их офицеры в пикельхелмах размечают сектора обстрела для пулеметов, под огнем которых в землю будут тысячами ложиться пулю в таких красивых разноцветных мундирах: синий верх, красный низ и большие ярко-красные петлицы с номером полка. Для удобства прицеливания германских шютце (стрелков) не хватает только белой мишени, намалеванной на пузе жалких лягушатников.

А у лягушатников свои заботы: у них бедлам пополам с публичным домом, пожар и наводнение одновременно. Пролет лондонского метеора (теперь никто не назовет его тунгусским) сорвал со своего места не только президента Армана Фальера, но и множество других важных и осведомленных господ. Подобно стае вспугнутых уток со своих насиженных гнезд поднялись дипломаты с набережной Ка дэ Орсэ, чиновники разведывательного Второго Бюро, генералы Военного министерства, депутаты Национального собрания и другие важные господа, без которых невозможно правильное функционирование государственной машины. Это не значит, что принятие решений оказалось полностью невозможным, совсем нет. Просто оно стало дерганным, хаотичным и в значительной степени импульсивным и необдуманым. Главное, чтобы галльский петушок прокукарекал – а там хоть не рассветаи.

В ответ на всеобщую мобилизацию в Германии началась такая же мобилизация и во Франции. При этом ультиматум кайзера «прекратить играть в войну» был проигнорирован, потому что французские генералы пребывали в полной уверенности в неизбежности германского нападения. А еще французская разведка раза в два занижала численность германских войск, из-за чего под вышитыми генеральскими кепи бродили мысли о реванше за франко-прусскую войну. По мнению галльских стратегов, Россия, единственная из всех потенциальных участников назревшего конфликта, не стала проводить мобилизации, а это значит, что она не сможет устоять против австрийской армии и кайзеру Вильгельму придется вынужден помогать своему бестолковому союзнику. Поэтому – аля улю пулю – вперед, на Берлин и Петербург, как в славные времена императора Наполеона Бонапарта. А еще французскому правительству хоть чем-нибудь хотелось замазать стыд и позор, вызванный паническим бегством из Парижа всех облеченных властью, и единственным способом добиться, чтобы все об этом забыли, была

война. В таких условиях кайзеру Вильгельму и делать ничего не надо: дерзкий галльский петушок сам кинется в пасть многоопытному германскому лису.

Кроме всего прочего, в определенных кругах французской правящей камарилы сложилась впечатление, что после смерти Франца-Иосифа его преемник Франц Фердинанд быстро пойдет на замирение русскими и германцами, а посему его желательно устранить. Ради блага Франции Австро-Венгрия должна биться с русскими до последнего солдата. Это мнение еще окажет существенное влияние на дальнейший ход событий, поскольку одними разговорами дело не ограничилось. Несколько групп, как бы сейчас выразились, левацких экстремистов, прикормленных Вторым Бюро, получили задание ликвидировать нового австро-венгерского императора. Как сказал один поэт: «пусть сильнее грянет буря».

Великобритания при этом была себе на уме – как раз в стиле продвинутого прагматизма, провозглашенного адмиралом Фишером. Пережив страх на грани самопроизвольного опрастывания кишечника, страна просвещенных мореплавателей не собиралась лезть ни в какие авантюры, тем более во имя целостности склочной старушки Франции. Получив заверения Берлина в том, что германская сторона ни при каких обстоятельствах первой не нарушит вечный нейтралитет Бельгии, в Лондоне успокоились и стали внимательно приглядываться к французскому порту Кале и его окрестностям. Ведь если бельгийский нейтралитет первыми нарушат французы, то у адмирала Фишера и его клики появится прекрасный шанс вернуть эту территорию под власть британского монарха и тем самым заработать себе дополнительные очки к выборам. Аравия – это хорошо, а Кале – еще лучше.

Все прочие игроки – вроде Испании, Португалии, Бельгии, Голландии, Норвегии, Швеции и САСШ – с одной стороны, считали, что назревающая судорога общеевропейской войны их не коснется, а с другой, приготовились делать на ней свои маленькие гешефты. Война у соседей – это всегда хорошо для всех, кто в ней не участвует.

Часть 33

Ретроспекция от 29 июня 1908 года. Российская империя, Привисленские губернии, Келецкая губерния, уездный городок Олькуш.

За два дня до предъявления ультиматума Австро-Венгерской империи (как раз накануне падения Лондонского метеора) фельдкурьер доставил в Олькуш именной императорский рескрипт, подчиняющий Армию Особого Назначения генерал-лейтенанту Бережному. Только он один в этом мире знает, как правильно организовать войну с Австрией, чтобы та оказалась стремительной, как взблеск молнии в грозовом небе, и такой же неотразимой.

В связи с этим назначением на следующий день командиры 1-го, 18-го и 22-го армейских корпусов прибыли на командный пункт корпуса морской пехоты представиться новому начальству. С командиром 1-го армейского корпуса генерал-лейтенантом Никитиным генерал Бережной уже был знаком со времен русско-японской войны. Генерал-лейтенант Лечицкий, также участник той войны, в те времена лично с пришельцами из будущего знакомств не водил, но был о них изрядно наслышан. И уже позже (после назначения командиром расквартированного в Санкт-Петербурге 18-го армейского корпуса) генерал Лечицкий, как и генерал Никитин, вместе с офицерами своих корпусов, по настоянию императора Михаила неоднократно бывал в пункте постоянной дислокации морской пехоты под Ораниенбаумом для восприятия передового военного опыта.

Что-то из этого опыта господа генералы сочли недопустимым вольтерьянством (кастовых замашек так просто не переломить) и заигрыванием с чернью; зато другие, чисто военные, приемы они переняли для использования в собственных частях. При этом оба этих генерала признавали, что части морской пехоты, несмотря на те самые «заигрывания», имеют отменную дисциплину, а их солдаты обучены всем видам боя, отважны, метко стреляют и демонстрируют прекрасное владение приемами штыкового и рукопашного боя. Мол, любой враг, столкнувшись с этими головорезами в черных беретах, будет пренеприятно поражен тем, насколько они злы и умелы в деле уничтожения неприятелей своей страны.

И только начальник 22-го армейского корпуса генерал-майор Балув знал генерала Бережного только как основоположника нового рода войск и царского зятя, по необъяснимой причине пользующегося полным доверием государя, а потому смотрел на него несколько скептически. Впрочем, скепсис к делу не подошьешь, тем более когда два других начальника корпуса здороваются с тем по-дружески, и даже с известной долей пиетета, происходящего отнюдь не по причине родства этого человека с царской семьей или его происхождения из будущих времен.

– Итак, господа генералы, – сказал в начале той встречи генерал Бережной командирам подчиненных ему армейских корпусов, – как вы понимаете, цель нашего появления в этом углу российской территории весьма далека от проведения обычных летних маневров. Отсюда и все эти драконовские меры в отношении местного населения. Государь-император счел, что сейчас самое время поставить точку в существовании зловредной империи Габсбургов...

– Погодите, погодите, Вячеслав Николаевич, – с некоторым сомнением произнес генерал Балув, – уж не вы ли лично по-родственному дали Государю подобный совет?

– Какие бы советы я ни давал государю, уважаемый Петр Семенович, решение его императорское величество принимал полностью самостоятельно, опираясь не только на советы, но и на данные разведки, – отрезал то. – Впрочем, для общего понимания маневра, могу вам сказать, что эта война готовилась нами чуть ли не с самого воцарения Михаила Александровича. Чтобы дальнейшая будущность Российской Империи была светла и безоблачна, необходимо устроить дела так, чтобы на ее рубежах остались только дружественные ей государства. Если

бы мы упустили удобный момент, эта война все равно состоялась бы – позже, но при менее благоприятных для нас обстоятельствах...

– Но позвольте, Вячеслав Николаевич! – воскликнул генерал Балуев, – о каких благоприятных обстоятельствах вы говорите? Перевооружение армии, совершаемое, как мы знаем, по вашему же настоянию, еще только в начале, новая полевая артиллерия едва начала поступать в войска, а насыщенность пулеметами нашей армии еще совершенно недостаточна...

– Надеюсь, ваш корпус, Петр Семенович, полностью укомплектован по промежуточным штатам? – спросил генерал Бережной.

– Да, полностью, – неуверенно ответил генерал Балуев, – но в других корпусах, особенно расквартированных в местах, далеких от столиц, положение далеко не столь радужное.

– А нас и не интересуют другие, – ответил генерал Бережной и посмотрел в сторону генерала Никитина. – Владимир Николаевич, а как обстоят дела с перевооружением во вверенном вам соединении?

– По промежуточным штатам корпус перевооружился полностью, – отрапортовал тот, – новые трехдюймовки образца пятого года чудо как хороши, а месяц назад дивизион корпусной артиллерии вместо шестидюймовых мортир восемьдесят пятого года, уже изрядно устаревших, получил новейшие гаубицы того же калибра... Как прирожденный артиллерист скажу вам: песня, а не орудия. Жалко, что их всего один дивизион, по полному штату корпусу полагается полная шестидюймовая гаубичная артбригада.

– В моем корпусе дела обстоят аналогично, по промежуточным штатам комплект полный, – сказал генерал Лечицкий и добавил: – Так, может быть, и в самом деле, Вячеслав Николаевич, стоило начинать войну только после полного завершения перевооружения всей нашей армии?

– Не стоило, Платон Алексеевич, – сказал генерал Бережной, – в Вене тоже прекрасно знают, что мы планировали перевооружаться до двенадцатого года, и переход к активным действиям задолго до этого срока стал для австрийского генштаба полной неожиданностью. Генерал Франц фон Хётцендорф – весьма деятельный засранец, но даже он ничего не может сделать с фактором стремительно утекающего времени. Мы застали его врасплох, и счет сейчас идет на дни и, может быть, даже на часы.

– Возможно, это и так, Вячеслав Николаевич, – с сомнением произнес генерал Балуев, – но все же я сомневаюсь, что это даст нам большое преимущество. Я говорю это, Боже упаси, не потому, что собираюсь отказаться выполнять приказ государя-императора и подать в отставку. Если потребуется, то я готов встать перед врагом насмерть и, храбро сражаясь, пасть за Веру, Царя и Отечество. Мне просто интересна причина такой торопливости государя, сделавшего все возможное, чтобы Вена не сумела отвертеться от грядущей войны. Вы – человек, так сказать, особо приближенный к высочайшей особе, так просветите же нас, обычных армейских служаков...

Генерал Бережной сделал паузу, будто собираясь с мыслями, потом внимательно посмотрел на застывших в ожидании генералов и сказал:

– Ну да ладно, теперь уже можно и пооткровенничать. Если солдат, в соответствии с завещанием Суворова, должен знать свой маневр, то генерал обязан понимать еще и его смысл. На самом деле, господа, все идет точно по плану. Корпус морской пехоты, который будет наступать на острие прорыва, уже получил средства усиления в соответствии с полным штатом, и даже кое-что сверх того. Ваши армейские корпуса, обеспечивающие развитие операции, перевооружены в соответствии с промежуточными штатами, а во всей остальной русской армии этот процесс действительно далек от завершения, но это уже не так важно...

С этими словами он расстелил на столе карту, на которой в самой грубой форме, в стиле контурных карт по истории, были начертаны этапы будущей русско-австрийской войны. Генералы тут же синхронно склонились над ней.

– Вот смотрите, – сказал генерал Бережной, – наша армия не зря сформирована самой последней, и не зря под нее не стали формировать отдельного штабного управления, а взяли за основу штаб моего корпуса. В то время как остальные армии и корпуса будут исполнять задачу по связыванию австрийской армии боем и оттеснению ее вглубь австро-венгерской территории, наша армия Особого Назначения должна одним решающим ударом прорваться вглубь вражеской территории, в район Прессбурга, откуда откроется возможность наступления и на Вену и Будапешт. Задача – проще не бывает. Владимир Николаевич и Платон Алексеевич, ваши корпуса, свернутые в походные колонны, будут продвигаться за прорывающимся через перевалы корпусом морской пехоты, чтобы позже, при выходе на равнину, развернуться в боевые порядки и выйти в первый эшелон. К Прессбургу-Братиславе вы должны подойти свежими, не понеся потерь и не растратив возимого запаса боеприпасов...

– Вячеслав Николаевич, а мой корпус вы куда дели? – с удивлением спросил генерал Балугев.

– Ваш корпус, Петр Семенович, после пересечения австро-русской границы развернется вправо и займет оборону вот здесь, по рубежу реки Висла, – Бережной отчеркнул на карте ногтем, – дабы купировать возможный австрийский контрудар из Богемии под основание нашего прорыва. Вряд ли австрийцы будут обходить вас через территорию Германского Рейха, ибо сие чревато для них смертельными неприятностями, так что атаковать вас будут исключительно с фронта. Стоять вы там должны насмерть – ровно до тех пор, пока наша армия полностью не выполнит свою задачу. А вот потом, если императора Франца-Иосифа не вразумит даже угроза обеим его столицам и он откажется подписывать капитуляцию, то пусть пеняет на себя... Впрочем, господа, эту карту раскрывать преждевременно. А сейчас давайте возьмемся за дело и приведем наши войска в состояние, соответствующее диспозиции². Времени у нас не так уж и много, а сделать предстоит немало.

3 июля 1908 года. 05:05 Российская империя, Привисленские губернии, Келецкая губерния, граница в окрестностях уездного городка Олькуш.

Ровно в четыре утра, как планировалось, смутная предутренняя тишина взорвалась сокрушительным грохотом артиллерийских залпов. Русские батареи, под прикрытием передовых батальонов морской пехоты выдвинувшиеся ночью непосредственно к границе, в назначенное время открыли ураганный огонь по заранее разведанным целям на австро-венгерской территории. По позициям австрийцев в окрестностях станции Тшебиня бьет вся артиллерия Армии Особого Назначения. Большую ее часть составляют легковесные трехдюймовки (правда, и австро-венгерские укрепления это тоже далеко не линия Мажино³).

На вооружении армейских корпусов, действующих на этом участке фронта – исключительно пушки образца тысяча девятьсот второго дробь пятого года, с удлиненными стволами и увеличенными углами возвышения. Разница по дальности с обычными орудиями этого калибра, выпущенными еще при прошлом царе Николае, при том же весе снаряда – почти в два раза (тринадцать километров против семи с половиной). А когда таких пушек много, они способны создать просто шквал огня. Шрапнели, против которых и предназначены защитные сооружения австрийцев, до станции, правда, не долетают, им не хватает максимального времени горения запальной трубки, да и бессмысленно стрелять этим снарядом, когда пехота противника заведомо попряталась в укрытия. Зато осколочно-фугасные гранаты с новейшей тротил-гексогеновой начинкой исправно барабанят по австрийским позициям, словно град во

² Диспозиция (военное дело) – план расположения войск на поле боя.

³ Линия Мажино (фр. la Ligne Maginot) – система французских долговременных укреплений, на границе с Германией от Бельфора до Лонгйона. Была построена в 1929–1934 годах. Затем совершенствовалась вплоть до 1940 года. Названа по имени военного министра Андре Мажино.

время сильной грозы. И будто взблески молний в этом хаосе – редкие разрывы пяти- и шестидюймовых гаубичных фугасов.

Но все это – не более чем имитация большой и чистой любви, а также средство сломить дух австрийских и венгерских солдат (под огнем их подразделения перемешались). Пока грохочет канонада, генерал Бережной достает из заглазника по-настоящему тяжелую дубину и выводит на рубеж атаки то, что в этом мире способно сломить дух австрийцев лишь одним своим видом: десять танков Т-72 и сорок боевых машин пехоты БМП-3, плюс специально обученный батальон бронегренадер. Вот это – настоящая элита элит, хотя по большей части рядовыми бойцами там служат уже уроженцы этого мира.

Рыча моторами, бронегруппы (на один танк четыре БМП с десантом) на широком фронте пересекают границу, а следом трусцой движутся цепи морской пехоты, сменившей парадное черное на полевой камуфляж. Первые очаги сопротивления встречаются уже на первых метрах австрийской земли. Австрийские пограничники, смешно отстреливаясь из своих винтовок Манлихера от накатывающихся на них стальных чудовищ, спасаются бегством через лощины и перелески, куда нет дороги тяжелой броне, а уже оттуда их выкуривают морпехи, вооруженные самозарядными карабинами и ручными пулеметами. Татакают пулеметы, звонко щелкают карабины, приглушенно хлопают ручные гранаты и выстрелы из подствольных мортирок (гранатометов). Первыми опорными пунктами австрийской армии, выдвинутыми перед основной, еще не достроенной, линией обороны, оказались приграничные села Чижувка, Плоки, Гай и Острезница.

Именно к этим населенным пунктам откатываются остатки австрийских пограничных дозоров, и как раз оттуда по наступающим в обход танкам и БМП открыли огонь австрийские пушки образца 1899 года. Дерьмо ужасное, даже по меркам начала двадцатого века: полное отсутствие противооткатных устройств и бронзовый ствол, не имеющий даже стального лейнера⁴. Ну что поделать: в Австро-Венгерской империи на рубеже веков хорошая сталь в большом дефиците, а проектирование противооткатных устройств представляет собой трудноразрешимую проблему. Выстрелы примерно в направлении цели, и демаскирующие позицию густые клубы пыли, поднятой в воздух пороховыми газами. Шрапнельные пули как град барабанят по броне танков и БМП. В ответ звучит несколько очередей из автоматических пушек (толстокожие Т-72 даже не пошевелились).

Но самым эффективным образом на это безобразие отреагировал артиллерийский наблюдатель на привязном аэростате, отдав на батарее несколько команд, в результате которых 22-я и 24-я артиллерийские бригады (1-й АК), прекратили посыпать снарядами злосчастную станцию Тшебиня и переключились на новые цели. Генерал Никитин (так сказать, «артиллерист по происхождению») в своем корпусе наибольшее внимание уделял как раз подготовке «богов войны». В каждом дивизионе одна батарея получила установки для стрельбы шрапнельями, а две другие – осколочно-фугасными снарядами. До этого момента генерал-лейтенант Бережной предпочитал не подвергать артиллерийскому обстрелу населенные пункты с мирными жителями, но теперь просто не было иного выхода.

Генерал Лечицкий, вместе с Бережным, Никитиным и Балухевым присутствующий на армейском наблюдательном пункте, приплясывая от возбуждения, смотрит в бинокль. Он видит, как на высоте десяти-двадцати метров с небольшим недолетом до цели распускаются ватные клубки разрывов... И почти сразу села, где окопались австро-венгерские солдаты, с беспощадной точностью накрывают серии фугасных разрывов. Во все стороны летят обломки и комья земли, стелется густой дым и полыхают занявшиеся пожаром дома. Сухая солома на

⁴ Лейнер (от англ. liner – вкладыш) – сменная часть ствола артиллерийского орудия. Представляет собой вставную тонкостенную трубу с винтовыми нарезами, образующую канал ствола артиллерийского орудия и перекрываемую оболочкой (кожухом) по всей длине.

крышах хат вспыхивает от малейшей искры, а ветер еще больше раздувает огонь. И в этом хаосе мечутся люди в тщетной надежде спасти хоть что-то из своего небогатого скарба, и падают, сраженные шрапнельными пулями и осколками фугасных гранат. Едва раздались первые артиллерийские залпы, стоило бы бросать все свои пожитки и, прихватив старых и малых, удалиться прочь, спасая свои жизни, а не барахло. Но жадность этих людей сильнее страха, а потому они мечутся в дыму и пламени, пытаются спасти хоть что-то, и падают под беспощадным обстрелом.

Солдатам венгерского гонведа⁵, окопавшимся в этом селе, наплевать на грязных польских поселян, но и им уже не до стрельбы. Среди них также имеются раненые и убитые. Одна пушка перевернута близким разрывом, у другой сноп шрапнели выкосил весь расчет, а артиллерийские кони, бьющиеся в агонии на пыльной земле, пронзительно ржут, не понимая, почему им вдруг стало так невыносимо больно. Капитан, командир роты гонведа, дает команду на отход, трубач поднимает горн и, сраженный шрапнельной пулей, падает, обливаясь кровью, не успев подать сигнал. Да и офицер переживет его не больше, чем на час с небольшим, не успев даже добраться до собственного начальства. Это утро будет беспощадно ко многим: от бесправных польских крестьян до весьма высокопоставленных особ.

Артиллерийский обстрел прекратился так же внезапно, как и начался, но только потому, что к северной окраине села вышла рота злых русских морских пехотинцев. Страшные, с лицами, размаляванными полосами боевого грима, они из конца в конец проходят вдоль единственной улицы. Перестук выстрелов, хлопки гранитных разрывов, крики боли раненых и умирающих... Остатки роты гонведа под этим натиском, теряя людей, откатываются на южную окраину, откуда просматривается следующее такое же село, где тоже есть гарнизон – и русским придется начинать все сначала. И как раз в это момент грохот артиллерийской бомбардировки, которой подвергается станция Тшебиня, стихает, и вместо канонады там разгорается интенсивная ружейно-пулеметная стрельба. А это значит, что бронегруппы, не ставшие вступать в бой с заслонами, все же добрались до основного узла австрийской обороны на этом направлении и принялись утюжить полуразрушенные вражеские укрепления.

Там стальные чудовища огнем своих пушек корабельного калибра и многотонным весом тяжелой брони проламывают оборону не ожидавших такого явления австрийских солдат и, приводя их в ужас, обращают в бегство. Там ужасные и безжалостные бронегренадеры огнем и штыком подавляют всяческое сопротивление, и тот, кто не сдался в плен, может считать себя покойником. Там творится истинная война миров: марсиане против жалких туземцев. Туз, до поры до времени припрятанный в рукаве, в решающий момент был выложен на стол. Танки и БМП оказались невостребованными на русско-японской войне, но теперь они своим видом приводят врага в трепет. Одни австро-венгерские солдаты (в основном присланные на усиление венгры) поднимают руки, не желая сражаться за раздираемое на части лоскутное одеяло, а другие (по большей части австрийцы), оказавшись перед мощью неодолимой силы, начинают отступать. Сначала они отходят медленно, отстреливаясь от надвигающихся железных чудовищ. Но чем дальше, тем отступление становится стремительней, пока не переходит в повальное бегство. Австрийские солдаты бегут, частью даже побросав свои винтовки, и вслед им чешут короткими очередями пулеметы, потому что убегающий – это несдавшийся, и убивать его можно, и даже нужно.

Полчаса такого боя – и над станцией взлетает зеленая ракета, означающая, что основная позиция австрийцев взята штурмом, фронт прорван и враг бежит. Несмотря на то, что сопротивление передовых рот венгерского гонведа подавлено еще далеко не везде, кое-где еще гремят выстрелы и умирают люди – это уже победа. Корпус морской пехоты, всеми своими еще не

⁵ Гонвед – в данном случае, венгерское национальное ополчение в Австро-Венгерской империи. Австрийские части того же типа называются ландвер.

бывшими в бою бригадами втягивается в прорыв фронта, а вслед за ним готовятся выступить пехотные дивизии армейских корпусов. а ними зна занятую русскими войсками территорию придут части ГУГБ – они начнут фильтрацию уцелевшего местного населения. Ведь эти самые приграничные села при австрийской власти являлись опорными базами сети контрабандистов, и в каждой хате имеются не по одному и не по два скелета в шкафу, подполе и на чердаке (у кого он уцелел).

И еще одна задача. Свою работу начинают саперные батальоны армейских корпусов и железнодорожная бригада из резерва императорской ставки: их задача – за несколько дней построить временную железнодорожную ветку, соединяющую русскую станцию Олькуш и австрийскую станцию Тшебиня. Все необходимое для этой работы: рельсы, шпалы и крепежный материал – уже завезли на русскую станцию, от которой уже даже проложена начальная ветка в направлении австрийской границы, протяженностью в одну версту и еще на пять верст, почти до самой границы, отсыпано железнодорожное полотно. Генерал-лейтенант Бережной настоял на постройке этой дороги как на первоочередной задаче, ибо Армии Особого Назначения, сражающейся в центре вражеской страны, возможно, потребуется быстро перебрасывать дополнительные подкрепления и материальное снабжение.

Глухая отдаленная канонада гремит и левее полосы прорыва Армии Особого Назначения. Там расположен снабженный сильным гарнизоном город Краков, и сейчас его берут в «клещи» первая и вторая русские армии. Там, в принципе, творится то же самое, за исключением того, что в атаку идет не морская пехота с самозарядками, а русские линейные полки, солдаты которых примкнули штыки к своим трехлинейкам. Да и новейших гаубиц на том направлении маловато, вместо них по австрийским позициям бьют орудия, участвовавшие еще в войне за освобождения Болгарии, – но по большому счету это неважно, потому что свою задачу связать боем основные силы 1-го армейского корпуса австро-венгерской армии это наступление выполняет на отлично. Уже к полудню клещи вокруг города сомкнутся – и тогда ни один австро-венгерский солдат не выскочит из этой мышеловки.

5 июля 1908 года, полдень. Румыния, Бухарест, Королевский дворец.

Более двух суток Румыния ведет тяжелую и бессмысленную войну против всех соседей сразу. С севера в страну вороватых цыган ворвался венгерский гонвед – одновременно с началом русского наступления на Пруте и десантом в Констанцу, а также болгарским вторжением с западного направления. Уже четвертого июля русские, начав войну с невероятной прытью, взяли Яссы, Галац и Констанцу. Мало кто знает, что на румынском побережье с большой помпой высадился лишь один русских армейский корпус из четырех, входящих в шестую армию генерала Реннекампа, а три других без особой огласки стали высаживаться в Бургасе и Варне для задействования в Константинопольской операции.

При этом четвертая болгарская армия, прежде считавшаяся резервной, продвинулась вдоль берега моря до Мангалии и осуществила на Дунае несколько десантных операций: в частности, в районе города Джурджу и болгарской крепости Тутракан. А от этих болгарских плацдармов до Бухареста – по дорогам всего-то по шестьдесят километров. Два дня марша для пехотных дивизий. С севера, от Сибиу и Брашова на Бухарест движутся венгерские гусары, а за ними, изрядно отстав, пылит пехота регулярной императорской армии. На остальных фронтах австрийцы отступают, или, как в случае с сербами, безуспешно бьются лбом об их укрепления. Однако же румынская армия оказалась опрокинута напрочь их первым натиском.

И отвечать румынским генералам, год назад «прославившимся» кровавым подавлением крестьянских волнений, на эти демарши оказалось нечем. Мобилизация еще в самом начале. Вооружение, как и организация, в румынской армии просто отвратительная, а потому в частях не хватает даже самого необходимого. И, кроме того, народ за такую власть, которая стреляет в него из пулеметов, воевать не желает и от мобилизации всячески уклоняется. Мол, сначала

снимите осадное положение, а потом посмотрим, возьмем мы в руки винтовки или нет. Одним словом, ситуация для власть предержащих складывается более чем угрожающе, и оттого верхушка правящей в Румынии национал-либеральной партии по мере осложнения обстановки все больше и впадает в состояние, близкое к панике.

И вот, всего-то на третий день войны, полыхающей со всех четырех сторон, в королевскую резиденцию явилась представительная делегация. Возглавлял это сборище национальных либералов престарелый премьер-министр (он же министр иностранных дел) Димитре Стурдза, а позади него как, дети за учителем, толпились: военный министр Александру Авеску, начальник генерального штаба Григоре Грациану, министр внутренних дел Ионел Братиану и председатель Сената Иоан Лаговари. Эта публика, еще недавно такая гордая и дерзкая, теперь имела пред своим королем весьма бледный и испуганный вид. Ну кто их тянул за язык угрожать ему военным переворотом, если он вздумает согласиться на предложенный императором Михаилом размен Добруджи на Трансильванию?

– Ваше Величество... – проблеял Стурдза, – Румынии нужен мир, мир и только мир...

– Мир, говорите... – проскрежетал разъяренный король, – а всего неделю назад вы имели по этому поводу совсем иное мнение. К тому же, господин Стурдза, вы у нас не только премьер-министр, но и министр иностранных дел. Почему вы сами не попытались решить этот вопрос, не беспокоя при этом своего престарелого короля, которого вы самым наглым образом втянули в эту авантюру?

– Мы пытались, – опустил голову Стурдзу, – посылали парламентариев под белым флагом к русским, и на всякий случай даже к болгарам, но не дождались никакого ответа, за исключением предложения безоговорочной капитуляции. Румыния должна сдаться, упасть на колени, посыпать голову пеплом – и только тогда нас не будут убивать насмерть.

– Вот! – немного успокоившись, сказал король. – Запомните, господа: когда русский император Михаил делает вам какое-нибудь предложение, например, обменять одну провинцию на другую – вы должны немедленно соглашаться на его щедрое предложение. Соглашаться, а не вставить в позу и заявлять, что вы не согласны...

– Но мы и в самом деле не согласны с этим предложением! – гордо вскинув вверх бороду, сказал Ионел Братиану, молодое дарование национал-либералов, – оно очень унижительное и не соответствует нашим румынским интересам.

– Без вашего согласия вас родили, господин Братиану, без вашего согласия и похоронят, – хмыкнул король. – И к этому следует привыкнуть. Если вы ответите русскому императору гордым отказом, то он ничуть не огорчится, а просто возьмет силой то, что ему надо, а вас за ваше бестолковое упрямство вздернет на виселице за шею. И никаких переговоров он при этом вести не будет. Сдавайся на милость победителя или умри прямо сейчас.

– Но мы и в самом деле не согласны, – огладив пышные усы, сказал председатель румынского Сената Ион Лаговари, – у многих весьма уважаемых людей в Добрудже имеются поместья, и наверняка по результатам этого размена они лишатся своей собственности. И вообще, так не принято. Мы, конечно, с радостью готовы присоединить Трансильванию к территории Румынии, но при этом не видим никаких оснований к тому, чтобы отдавать Добруджу. Напротив, мы были бы совсем не прочь нарастить территорию Румынии за счет русской Бессарабии, где проживает родственный нам народ, а также южной Добруджи, которая по ужасному недоразумению тридцать лет назад отошла к Болгарии...

– Ну вот опять... – вздохнул румынский монарх. – После того как вы вывернули мне руки, я написал русскому императору письмо, объяснив свою позицию и ту обструкцию, которую устроила моему королю правящая в моей стране национал-либеральная камарилья. Написал я и своему родственничку кайзеру Вильгельму, попросив замолвить за меня слово перед своим суровым союзником. Я думаю, что русский царь меня понял и исключил из своих проскрипционных списков. Самое большее, что мне грозит – это почетная отставка с выездом в Герма-

нию. Неприятно, конечно, быть свергнутым после сорока лет вполне благополучного правления, но я это переживу. А вот всех вас теперь, хе-хе, ждут весьма неприятные приключения. Так что надевайте рубище, посыпайте головы пеплом и, отдав приказ румынской армии прекратить сопротивление, выходите навстречу русским победоносным войскам. Хотя на крайний случай сойдут и болгары. Адмирал Ларионов, являющийся опекуном молодого болгарского царя, с удовольствием поставит свою подпись на акте о безоговорочной капитуляции Румынии. И запомните: чистосердечное раскаяние способно искупить хотя бы часть вины. Ну да ладно, господа, не будем говорить о печальном...

– Но почему, почему, ваше величество? – простонал военный министр Алексадру Авеску. – Мы решительно не понимаем, зачем русский царь захотел отдать Болгарии всю Добруджу и для чего ему это понадобилось. Русский ультиматум и его решительное претворение в жизнь стали для нас полнейшей неожиданностью.

– Не понимают они... – проворчал король. – Добруджа в составе Болгарии нужна русскому царю Михаилу, чтобы проложить через ее территорию железнодорожную магистраль, которая напрямую соединила бы Российскую империю и ее балканских союзников Болгарию и Сербию. И ни одна пядь этой дороги не должна проходить по румынской земле. Вы знаете, как вас, господа, называют в Санкт-Петербурге? Нет? Там вас считают жадными вороватыми цыганами, которые способны стащить все, что не раскалено докрасна и не прибито гвоздями. Судя по тому, что творится в нашей армии, так и есть. А еще там знают о ваших вождениях в сторону русской Бессарабии и желают раз и навсегда покончить с этим вопросом. Я не удивлюсь, если вместо урезания румынской территории русский царь царей попросту разделит Румынию напополам между Россией и Болгарией. У него для этого на руках сейчас имеются все необходимые карты. А теперь, господа, идите и не беспокойте больше старика. Все нужные советы я вам уже дал, а дальше уже решайте сами.

Едва министры и прочие приравненные к ним лица вышли, как растворилась малоприметная, прикрытая портьерами дверь, и в комнату вошла супруга наследника престола Мария Эдинбургская и Саксен-Кобург-Готская, по совместительству двоюродная сестра русского царя, мать четверых детей (пятый на подходе) и очень роскошная женщина тридцати трех лет от роду. Поскольку ее муж являлся ботаником во всех смыслах этого слова, в случае отставки старого короля именно королева Мария должна была стать фактической правительницей румынского королевства (ну или вассального княжества), если император Михаил решит понизить статус этого государственного образования.

– Вы были просто великолепны, дядюшка! – сказала Мария старику, – так им и надо, этим надутым боярам. Надеюсь, мой двоюродный братец будет к ним достаточно суров и загонит в такие сибирские Тьмутаракани, где даже птицы падают замертво от холода прямо на лету. А у нас с вами теперь другие заботы. После войны в Румынии следует установить прямое королевское правление без участия этих прожженных политиканов, умудрившихся втравить Румынию в войну против всех держав сразу...

– Вот уж нет, дорогая невестушка, – засмеялся король дребезжащим смешком, – оставьте уж вы старика в покое. Даже если твой двоюродный братец по итогам войны не будет требовать моего отречения, то я сам добровольно подам в отставку, дабы прожить несколько оставшихся мне лет в тишине и покое. А вы уж тут без меня как-нибудь сами разберетесь, что и как надо менять. А то взяли, понимаешь, моду – вертеть королем как собачьим хвостом...

7 июля 1908 года. Полдень. Германская империя, Потсдам, Дворец Цецилиенгоф, рабочий кабинет кайзера Германской империи.

Присутствуют:

Кайзер Вильгельм II;

Автор плана войны с Францией – генерал-полковник Альфред фон Шлиффен;

Начальник Генерального Штаба – генерал-полковник Гельмут Мольтке (младший);
Рейхсканцлер Германской империи – Бернгард фон Бюлов;
Статс-секретарь по иностранным делам – Вильгельм фон Шён.

Кайзер Вильгельм был сегодня особенно возбужден, ну прямо как мартовский кот: глаза выкачены, усы торчком, на морде как прожектор сияет торжествующая улыбка.

– Господа! – воскликнул он, входя в комнату для совещаний, – дело пошло. Румыния, которая вздумала возразить моему царственному брату, низвергнута в прах и капитулировала всего на третий день войны. Я, честно говоря, не верил, когда мне рассказывали о том, что возможны пяти- и шестидневные войны – и вот, вам пожалуйста, война, которая продлилась всего три дня.

– Кхе-кхе, Ваше Королевское Величество, – сказал Шлиффен, – то, что русские сделали с румынами, сложно назвать войной. Скорее, это походило на то, как строгий учитель отсыпает розог строптивому школяру. Вот в Галиции – это и в самом деле война, очень похожая на нашу войну с австрийцами сорок лет назад. Русские давят численно превосходящей и лучше организованной массой, а гонвед и части регулярной австро-венгерской армии с боями откатываются назад от границы. За первые три дня войны русским армиям удалось продвинуться на глубину от пятидесяти до ста километров...

Мольтке-младший, будто щеголяя своей осведомленностью, сказал:

– Как докладывают наши военные агенты, к настоящему моменту ударная группировка генерала Бережного, сокрушая австрийские заслоны, на восемьдесят километров углубилась в Татры, а две другие армии, действующие в западной части Галиции, полностью окружили Краков, чтобы теперь его штурмом занялся гренадерский корпус. После того как русские перерезали все транспортные пути, сконцентрированные в этом городе-крепости кадровые австрийские части уже не могут быть развернуты по штатам военного времени. В восточной части этой австрийской провинции еще две русские армии ударили с севера и востока и почти охватили клещами основную австрийскую группировку в районе Лемберга. Об обстановке на юге Австро-Венгрии я уже молчу. Там после краха Румынии русские и болгарские войска поворачивают на север, обеспечивая Двуетидной Монархии сплошной фронт окружения, что в ближайшем будущем сулит ей быстрый крах. Так как Румыния не считалась серьезным противником, значительных воинских контингентов австро-венгерской армии на том направлении не имеется, а те, что есть, уже пятятся назад на север под натиском выдвинувшейся вперед русской кавалерии...

Шлиффен сказал:

– Теперь вопрос только в том, когда в дело вступит наша армия, чтобы забрать себе все, что нам причитается по секретному договору с русскими. Мне, старику, кажется, что мы медлим непозволительно долго, и можем попросту не успеть к обещанному разделу австрийского лоскутного одеяла.

– Да, вот именно, – вякнул Мольтке-младший, – сорок лет назад Бисмарк не позволил взять Вену штурмом и отметить конец войны парадом победителей. Пришло время исполнить давно задуманное дело и показать этим жалким австрийцам, кто настоящий хозяин в германском доме.

Кайзер посмотрел на своих генералов с легким сожалением – так, как взрослый смотрит на расшалившихся детей, размахивающих зажжёнными спичками.

– Херрен генерален, – веско сказал он, – попрошу принять во внимание, что ничего подобного мы делать не будем. Наша армия войдет в Остмарк не с целью оккупировать эту землю и доказать превосходство прусского духа над австрийским, а чтобы спасти австрийских немцев от ужасающей ярости русских казаков и прочих азиатских дикарей, что состоят на службе у нашего брата Михеля. Если наша цель – воссоединение всего немецкого народа в одном национальном государстве, то нам следует быть для австрийцев спасителями и защит-

никами, а не жестокими угнетателями. И вообще, венское направление для нас глубоко второстепенно: там все предрешила наша с Михелем дипломатия, и в надлежащий момент нам надо будет только пойти и забрать свой приз. При таком трепетном, я бы сказал, отношении моего кузена даже к устным соглашениям я не вижу никакого способа, каким бы мы могли пронести ложку с Австрией мимо рта. Вот склочная старушка Франция – чтобы она подавилась своей красной шапкой – это совсем другое дело. Иногда я даже жалею, что чудовищный метеор пролетел мимо Парижа, этого гнезда порока, разврата и вольнодумства. Тогда все наши задачи по вразумлению галльской потаскушки разрешились бы без нашего участия.

Тут рейхсканцлер фон Бюлов резонно заметил:

– В таком случае, Ваше Королевское Величество, ваш кузен Михель не имел бы возможности так непринужденно продемонстрировать миру непревзойденную мощь оружия русских из будущего и свое бескрайнее монаршее великодушие. Помнится, он как-то сказал, что истинный государь должен великодушно прощать тех, кого ради пользы дела простить можно, и так же беспощадно наказывать тех, кого ни в коем случае простить нельзя. Лондонцев при этом он великодушно помиловал, а вот австрийцев и французов беспощадно покарал.

– С австрийцами вы, мой добрый Бернгард, все-таки ошибаетесь, – засмеялся кайзер. – Какая же это кара, если австрийские немцы теперь войдут в состав единого германского государства: Пройдет двадцать или тридцать лет – и жители этой нашей провинции забудут, что когда-то жили отдельно от общей немецкой семьи. Зато к французам слово «кара» можно применить с полным основанием. Грешны поедатели лягушек перед моим кузеном Михелем и Российской Империей вообще, ой как грешны...

– Ваше Королевское Величество, – сказал Шлиффен, – теперь, когда у нас все готово и ваш кузен не против, я хочу вас спросить: когда же мы, наконец, объявим войну лягушатникам? А то наши парни засиделись у себя в свежоотрытых окопах, и им надоело ждать, когда они, разгромив врага, смогут прогуляться до Парижа, чтобы задрать подола тамошним распутным девкам...

– Не все так просто, мой добрый Альфред, – хмыкнул в ответ кайзер, – для полного счастья было бы желательно, чтобы Франция сама, собственной рукой, объявила нам войну. Мой дед Вильгельм Первый в свое время точно так же вынудил на объявление войны тогдашнего французского императора Наполеона Третьего, чем сделал Германию обороняющейся, а Францию нападающей стороной (На самом деле этого добился тогдашний рейхсканцлер Отто фон Бисмарк, но его нынешний кайзер недолюбливает и старается лишний раз не упоминать).

– В таком случае, Ваше Королевское Величество, война не буде объявлена никогда, – сухо заметил статс-секретарь по иностранным делам. – Нынешний французский президент Арман Фальер – это просто бородатое облако в штанах, и войны он боится больше всего на свете.

– Как любит говорить мой кузен Михель: есть такое слово – «надо», – отрезал кайзер. – Вы у нас, мой добрый Вильгельм, статс-секретарь по иностранным делам, вы и должны добиться того, чтобы французская лягушка проквакала то, что нам требуется. А если серьезно, то во Франции, помимо, как вы сказали, бородатого облака в штанах, имеется еще премьер-министр Жорж Клемансо – воинственная образина, которая спит и видит, как бы отвоювать у нас обратно Эльзас и Лотарингию. Если мы продемонстрируем, что русские увязли в австрийских и турецких делах и у нас едва хватает сил на то, чтобы их выручать, а потому мы согласны урегулировать все разногласия путем переговоров – то Франция непременно постарается воспользоваться нашей мнимой слабостью и объявит нам войну. Настроения в этом петушатнике и так находятся на грани кипения, и надо их еще немного подогреть.

– Ваше Королевское Величество, – огладив усы, сказал Мольтке-младший, – для дезинформации противника мы можем использовать нашу германскую левую прессу. Мы в генштабе организуем утечку о якобы тяжелом положении русских на Галицийском фронте, о жестоких боях в Кракове и о том, что корпус Бережного, на который у русских было столько надежд, увяз

в тяжелых боях на перевалах, и что мы вынуждены отправлять ему на помощь наших прекрасных гренадер. Правительственная пресса в то же самое время должна будет писать обо всем этом крайне сдержанно, с недоговорками, будто показывая, что ей есть что скрывать. Будьте уверены – эти статьи немедленно будут прочитаны в Париже и произведут на французских генералов и политиков необходимый вам эффект.

– Это все замечательно придумано, мой добрый Гельмут! – воскликнул кайзер. – Для пущей достоверности мы можем закрыть несколько грязных газетенок, посмеявшихся писать гадости про нашего союзника, и бросить их редакторов и авторов статей в тюрьму Моабит до конца войны. А там будет видно. – Вильгельм злорадно расхохотался. – Только надо заранее предупредить моего кузена, чтобы не обращал внимания на эту мышиную возню, а то еще обидится ненароком. Но это я возьму на себя. Итак, мой добрый Гельмут организует утечку дезинформации в прессу, вы, Бернгард, подготовите статьи-опровержения в лояльных издательствах, господин статс-секретарь, будто бы делая хорошую мину при плохой игре, потребует от французов демобилизации их армии, а я буду смотреть на все это и веселиться как никогда. Ведь все эти деятели свято уверены в том, что только левая пресса может писать самую настоящую правду, которую власти тщательно скрывают от народа – и мы поймаем их на эту уверенность, как ловят глупого карпа, хватающего жирного червяка, не подозревая о наличии внутри стального крючка.

– Ваше Королевское Величество, а что при этом вы прикажете делать мне? – спросил озадаченный Шлиффен.

– А вы, мой добрый Альфред, приготовьтесь принимать под свое командование Западный фронт – откликнулся кайзер. – Надеюсь, что когда дело дойдет до грома пушек, вы меня не подведете.

– Ваше Королевское Величество, после победы вы собираетесь присоединить Францию к нашему Рейху? – спросил рейхсканцлер фон Бюлов.

– Еще чего, мой добрый Бернгард! – воскликнул кайзер. – Зачем нам сорок миллионов сумасшедших? Франция сошла с ума еще более ста лет назад, когда во время своей Великой Французской Революции низвергла в прах все, что должно составлять гордость любой нации: веру в Бога, верность своему королю, а также память о подвигах великих предков. Французы создали единое государство еще тогда, когда Германия была аморфным скопищем мелких королевств, княжеств и владетельных графств, а потом разом спустили все свои достижения в зловонный сортир. Великая французская революция, мои добрые господа, показала, что озверевшее от вседозволенности представители третьего сословия, несмотря на белую кожу и европейское происхождение, могут быть столь же кровожадны, как и самые дикие африканские народы. Наполеон Бонапарт пытался починить французский национальный дух, но все его усилия пропали втуне, и вот уже сто лет с каждым поколением французы все больше и больше мельчают. А посему... – Вильгельм на мгновение сделал паузу, чтобы перевести дух, – никаких аннексий чисто французских территорий не будет. Нам в Рейхе не нужны земли с открыто враждебным населением, которое будет проклинать все немецкое. Вместо того мы должны расчленить эту склочную Францию на несколько частей, навязав каждой из них монархическое правление. Есть же еще на свете потомки Бурбонов, Орлеанидов и прочих Валуа. Новый Вавилон должен быть разрушен! И, самое главное, нужно отобрать у французов их заморские колонии – тот самый источник богатств, что накачивает деньгами этот сосуд греха. Всем этим диким туземцам будет гораздо лучше под разумным и рациональным германским управлением. Впрочем, на этом, в общих чертах, пока все. Конкретную политику мы выработаем тогда, когда Франция будет разгромлена и низвергнута и придет время делить ее наследство.

10 июля 1908 года. 15:45. Галиция, Западные Карпаты (Бескиды), долина реки Сола, село Милюковка, полевой КП корпуса морской пехоты и Армии Особого Назначения одновременно.

Генерал-лейтенант Вячеслав Николаевич Бережной.

Четвертые сутки мои морпехи грудью прорывают оборонительные рубежи венгерского гонведа один за другим, все дальше и дальше углубляясь в горный массив. Пока что мы еще по эту сторону перевала, и протекающая по долине река Сола, вдоль которой продвигаются русские войска, несет свои воды в Вислу и далее – в прохладное Балтийское море. По ту сторону перевала реки потекут уже в другую сторону: к Дунаю и Евксинскому Понту. Но так же будет виться вдоль долины ниточка проложенных еще двадцать лет назад железнодорожных путей, соединяющих Вену и Краков⁶. Вслед за нами по этой магистрали движется бригада железнодорожных войск, перешивая пути на наш родимый российский стандарт. Сначала железнодорожники и саперы от нас изрядно отстали – потому что по равнине, почти не встречая сопротивления, мой корпус продвигался со скоростью двадцать пять верст в сутки; им же требовалось построить временную двенадцативерстовую соединительную ветку между Олькушем и Тшебиней.

Потом, войдя в горы, мы, наоборот, притормозили, а железнодорожники нарастили темп – благо скорость перешивки без замены шпал и дополнительной отсыпки полотна составляет до двадцати верст в сутки. Теперь уже железнодорожникам приходится ожидать нашего дальнейшего продвижения, потому что в горной местности, с боями преодолевая сопротивление противника, корпус морской пехоты движется гораздо медленнее, чем они могут перешивать путь. Продвижение от двух до пяти верст в сутки в таких условиях можно считать нормальным. Хотя, будь на нашем месте армейский корпус образца 1904 года, с обыкновенными⁷, а не горными, трехдюймовыми пушками – русские солдаты умылись бы здесь своей кровью. Но император Михаил – это не брат его Николай, к своему монаршему делу относится серьезно и умеет плеснуть скипидарчиком в выхлопное отверстие разным ответственным лицам. Ту злосчастную горную пушку, которую испытывали, испытывали, но так и недоиспытали, в обновленной армии заменили минометы.

Коля Бесоев за «рюмкой чая» рассказывал, какой чудодейственный эффект производили на турецких аскеров и греческих македономахов переносимые на руках и в конных горных выюках минометы калибром в восемьдесят два миллиметра. У нас в корпусе это оружие, которое тросами можно поднять в любое «ласточкино гнездо», находится в каждой роте. И против слабо укрепившегося противника, по большей части укрывающегося за баррикадами из деревьев и камней, его действие выше всяких похвал – куда там той горной пушке. Это только кажется, что обороняться в горах легко, а на самом деле... Изрезанная местность подразумевает большое количество «мертвых» пространств, недоступных для ружейно-пулеметного огня, пригодных для того, чтобы противник установил там свои минометы и накопил пехоту для атаки. Окопы на склонах гор рыть долго и мучительно: по большей части под тонким слоем земли (там, где она есть) лежит сплошной камень, и для производства фортификационных

⁶ На самом деле эти пути – часть магистрали, соединяющей Вену и Варшаву, строительство которой началось аж в 1835 году и велось с перерывами более полувека. Рокадная железная дорога, присоединившая к этой линии Краков и Лемберг, была проложена позже. Но генералу Бережному позволительно этого не знать.

⁷ То, что армии необходима современная трехдюймовая горная пушка, в Военном Ведомстве поняли еще в 1897 году, но первые образцы прошли испытания на главном артиллерийском полигоне только в 1902 году. Войсковые испытания предполагалось провести в 1903 году, но завод-изготовитель сорвал сроки – так что две испытательных горных батареи были готовы только к февралю 1904 года. Но как раз в это время грянула война с Японией, и в нашей истории недоиспытанную пушку пустили в серийное производство. К весне 1905 года, то есть уже после битвы за Мукден, в Маньчжурию отправили пятнадцать пеших и две конных горных батареи, и шестнадцать пушек с лафетами в запас. Окончательно это злосчастное орудие приняли на вооружение «задним числом» в 1906 году, а уже в 1909 году появилась трехдюймовая горная пушка еще более нового образца.

работ требуется даже не солдат с киркой, а сапер с динамитными шашками. На прорыв по этому направлению австрийский генштаб не рассчитывал, долговременных укрепрайонов не строил, а когда спохватился, то стал сгонять сюда свежемобилизованных резервистов почти без пулеметов и с артиллерией, устаревшей лет на сорок. И вместо одной долговременной укрепленной полосы на нашем пути оказалось множество заслонов и заслончиков.

А тут мы – такие хорошие и вооруженные до зубов. Там, где не хватает ротных минометов, в ход идут батальонные «самовары» калибром в сто двадцать миллиметров. Для этого девайса закинуть пудовую мину со дна долины на гребень горы или вообще на обратный скат – как два пальца об асфальт. А если не хватает и их, то к штату морских десантно-штурмовых бригад приданы дивизионы пятидюймовых гаубиц, и на самый крайний случай – шестидюймовая артбригада корпусного резерва. Эту часть я еще ни разу не беспокоил, потому что для столь тяжелого молотка попросту не нашлось достойной работы. А еще мои brave парни в ходе тренировок мирного времени получили начальную альпинистскую подготовку, ибо не всегда побережье для десантирования имеет плоский отлогий рельеф. Есть на нашей планете места, где после высадки на небольшом пляжике требуется сразу карабкаться в гору. Так что соответствующая экипировка у нас в запасе тоже имеется: кошки на ботинки, ледорубы-альпенштоки и даже крючья, молотки и альпинистские веревки. Несколько раз наши нагло обходили австрийские позиции по гребню, и, пока вражеские солдаты ярусом ниже пытались укрыться от минометного обстрела, мои морпехи отстреливали их на выбор как куропаток.

И так продолжается уже четвертый день: мы сбиваем один заслон, а за ним образуется следующий, еще более наспех организованный и бестолковый. У господина фон Хётцендорфа начинает подгорать сразу с трех сторон. И если кайзер Вилли пока медлит пойти и забрать себе «Вену с городками», то в Галиции и Трансильвании веселье идет полным ходом. Третья армия генерала Штакельберга осадила Перемышль, а ее авангарды продвинулись еще дальше и встретились с правофланговыми передовыми частями четвертой армии генерала Келлера, двоюродного брата командарма «нашей» первой конной. В результате этой операции в лембергском котле очутилась пятидесятитысячная группировка кадровой австро-венгерской армии. Это второй такой котел после Кракова, если не считать осады Перемышля – но там внутри осажденной первоклассной крепости оказался весьма незначительный гарнизон. В распоряжении коменданта крепости, не успевшего получить подкрепление из мобилизованных, имеется только пять батальонов пехоты, полк полевой артиллерии, три полка крепостной артиллерии и несколько саперных рот.

В то же время левый фланг четвертой армии, второй гвардейский и третий сибирский корпуса уже вышли на перевалы в южных Карпатах и сейчас пробиваются в Закарпатье. Гвардейский корпус ломится через Яблунецкий перевал, а сибирский – через Торуньский. Правда, такой, как у нас, мощной артиллерийской поддержки «самоварами» и современнейшими гаубицами, у гвардейцев и сибиряков нет. Зато у них в достаточном количестве имеются ротные минометы, горные пушки, а также шестидюймовые мортиры образца 1885 года. Эти мортиры, снятые с вооружения в остальной армии, были сведены в специальные горные мортирные бригады резерва императорской ставки. Двухпудовый чугунный снаряд – это вполне солидная утварь для убийства, особенно после того как из него вытряхнули черный порох и залили внутри расплавленный тротил-гексоген-алюминиевый композит.

А еще у Австро-Венгрии оказалось вскрытым мягкое южное подбрюшье. Трансильванская группировка, которая казалась достаточной против румынской армии, разлетелась в прах при попытке противостоять трем армейским корпусам 5-й армии генерала Плеве (не путать с тем Плеве, который министр внутренних дел) и второй конной армии Брусилова. Там тоже все горит, шипит и пузырится. Там, в составе армии Брусилова, со своим Кавказским горно-кавалерийским корпусом орудует один из храбрейших людей этого времени – генерал-лейтенант Гуссейн-хан Нахичеванский: его джигиты в горах воюют даже лучше, чем на равнине. Кон-

тингенты, которые австрийскому командованию удастся поднять по мобилизации, не успевают накапливаться, как их раздергивают по частям для латания дыр на разных направлениях. Но в каждом конкретном случае поступивших резервов не хватает для того, чтобы в корне переломить ситуацию – и русское наступление продолжается, а австрийские генералы продолжают требовать резервов, резервов и еще раз резервов, так необходимых для латания расползающегося как прелая тряпка фронта.

На нашем направлении обстановка аналогичная, разве что за исключением того, что мы воюем не только числом, но и умением, помноженным на качественное превосходство. Первоначальный состав, с которым мы начинали еще на русско-японской войне, еще весь в строю, а новое пополнение уже хорошо обучено и имеет опыт нескольких больших маневров. Срок службы в императорской армии в мирное время – шесть лет, и за этот срок можно не спеша и с толком обучить высококлассных специалистов. Но и в дни войны я такими кадрами тоже не разбрасываюсь, поэтому действую в соответствии с принципом, изреченным средневековым французским маршалом Вобаном⁸: «Потратим побольше снарядов – прольем поменьше крови». Вот тут нам главной помощницей и становится тянущаяся из тыла железная дорога: по ней к нам в одну сторону везут ящики с боеприпасами (так что артиллерийские батареи никогда не испытывают снарядного голода), а в другую санитарными поездами со всем возможным комфортом вывозят раненых.

Кстати, о королевиче Георгии. У этого юноши в известном месте явно зашито шило, потому что, не усидев в моих адъютантах, он напросился на передовую – туда, где парни, подобно заправским альпинистам, лазают на склоны по веревкам, ходят по краю пропасти и совершают другие поступки, в обычной жизни называемые подвигом. И телохранительницы-побратимки героически вместе с ним: карабкаются в гору по канату и метко стреляют в австрийских офицеров из снайперской винтовки.

Правда, перед тем как отпустить этого башибузука королевских кровей на вольные хлеба, я вызвал к себе командира той роты, штабс-капитана Долина, его второго офицера поручика Ветлицкого и заодно фельдфебеля Неделю (самого битого и бывалого из всех начальствующих чинов роты), после чего провел с ними долгую беседу. Мол, за всех троих они отвечают головой. А потом имел почти такой же длинный разговор с Анной и Феодорой. Если кто и способен укротить гонор Георгия, так это только они. В результате мой протеже ведет себя как все: труса не празднует, но и показной храбростью не кичится. Не принято это у меня в корпусе – и точка.

А раз так, быть может, безбашенный сербский королевич все-таки вполне удачно доживет до конца войны, навоюется и наберется жизненного опыта. А потом в назначенный момент примет власть из рук своего престарелого отца, и ни одна тварь не посмеет против него интриговать, потому что за его спиной все это время будем стоять мы. А такая заручка стоит дорогого.

12 июля 1908 года. вечер. Вена, Шаллаутцерштрассе, дом 6, Генеральный штаб Австро-Венгерской империи.

Присутствуют:

Император Франц Фердинанд;

Начальник Генштаба генерал-полковник Франц Конрад фон Хётцендорф.

Это был душный воскресный вечер: над прогретыми солнцем мостовыми колыхалось раскаленное марево, листья деревьев в парках понуро обвисли, и даже речные воды не принесли долгожданной прохлады. Обычно такая погода разряжается короткой, но бурной грозой, во время которой с небес низвергаются реки воды, а ураганный ветер ломает деревья и срывает

⁸ Себастьян Ле Претр, маркиз де Вобан (1 мая 1633 – 30 марта 1707) – выдающийся военный инженер своего времени, маршал Франции, писатель. Выстроенные им крепости объявлены всемирным наследием человечества.

с домов крыши. А потом наступает тишь да гладь, да Божья благодать, ласково сияет с умытого неба солнышко, а в посвежевшем воздухе пахнет прохладой.

Правда, такое послегрозовое благолепие увидят далеко не все. Некоторых зашибет падающим деревом или убьет шальной молнией, – но это уже детали, не интересующие счастливых, которые благополучно переживут буйство стихии. Вот и в политике все точно так же. Долгое и душное царствование императора Франца-Иосифа рано или поздно, но непременно, должно было завершиться всесокрушающей грозой. И то, что эта гроза в мире царя Михаила грянула на шесть лет раньше, чем в нашей истории – целиком и полностью заслуга русского императора и его советников, которые, обустроив восточный фасад России, перешли к устранению угроз на ее западных рубежах. Австрийский император Франц-Иосиф, да еще турецкий султан Абдул-Гамид, пережитки прошлого девятнадцатого века, как два созревших фурункула, вызывали у руководства Российской Империи отчаянное стремление вскрыть эти нарывы острым скальпелем и, вычистив от накопившегося гноя, навсегда залечить их на теле европейской цивилизации.

Австро-Венгрия к такому развитию событий была не готова. Ее генштаб планировал агрессивную войну с проведением мобилизации под предлогом противостояния Сербии и Черногории, затем должен был последовать быстрый разгром противников на Балканах с последующим переносом центра тяжести кампании на Восточный фронт. При этом половину, или даже больше, русских сил должен был связать боями германский союзник. Но вместо этого государство Габсбургов стало жертвой превентивного удара русскими корпусами постоянной готовности, когда на проведение мобилизации уже не было ни времени, ни сил, а в тылу всюду полыхало восстание боснийских сербов, жаждущих влиться в свое национальное государство. Первые же сражения показали, что за четыре года, прошедших с момента завершения скоротечной японской кампании, русская армия и император Михаил не тратили время зря, а тщательно готовились к грядущей грозе, то есть войне.

И сегодня, двенадцатого июля, на девятый день войны, в Вену почти одновременно пришло несколько известий, означавших, что с ветхого здания лоскутной империи Габсбургов окончательно сорвало крышу. Первым, рано утром, пришло сообщение, что попытка деблокировать окруженный в Лемберге одиннадцатый армейский корпус закономерно закончилась неудачей. Сводная армейская группа генерала Кусманека, была наспех составлена в основном из дислоцированных в Словакии частей пятого и шестого армейских корпусов. Продолжавшееся более сорока восьми часов встречное сражение деблокирующей группы против четырех русских корпусов закончилось оглушительной победой русской стороны и оттеснением остатков австро-венгерских войск на рубеж перевалов через Бескиды. Сражение шло даже ночью, благо в ясном небе стояла полная луна, а русские, имея значительный численный перевес, могли действовать в ритме чехарды, постоянно вводя в бой отдохнувшие подразделения. Австрийцы, лишённые возможности заменять свои части на поле боя, чтобы дать им отдых, действовали в один эшелон, вследствие чего к концу сражения их солдаты едва таскали ноги.

Австрийцам не помогло даже то, что удар они наносили в нащупанный стык между двумя русскими армиями. Командующий Западным фронтом генерал Кондратенко оперативно свел Первый Гвардейский, Четвертый Сибирский корпуса (из состава третьей армии), а также Десятый и Одиннадцатый Армейские корпуса (из состава Четвертой Армии), во временную армейскую группу генерал-лейтенанта Данилова, чем предотвратил в ходе сражения беспорядок и местничество, еще не до конца изжитые в русской армии. Генерал Данилов встретил австрийский удар упорной активной обороной центральных (десятого армейского и четвертого сибирского) корпусов, в то время как фланговые (первый гвардейский и одиннадцатый армейский) корпуса начали обходной маневр, сменяя слабое боковое охранение австрийской группировки. Попытка генерала Кусманека усилить фланги с намерением избежать опасности окружения привела лишь к тому, что его центр потерял пробивную мощь, увязнув в маневренной русской

обороне. Вечером одиннадцатого числа при очередном натиске свежих русских частей, атаковавших сразу с трех направлений, австрийские войска, не имевшие отдыха более тридцати шести часов, не выдержали и побежали. Многие солдаты падали и засыпали прямо на ходу, просыпаясь уже в русском плену.

В ходе сражения деблокирующая группировка не только не выполнила свою задачу (что обрекало окруженный в Лемберге корпус на уничтожение), но и понесла значительные потери в личном составе и вооружении. До половины австрийских солдат, принимавших участие в этом сражении, было убито, ранено или попало в плен. Также отмечались случаи массовой капитуляции австрийских солдат славянских национальностей (в своей массе верными Двуетиной монархии остались только поляки и хорваты). Во время бегства (то есть спешного отступления) группировка генерала Кусманека утратила почти всю артиллерию, и только усталость после тяжелейшего сражения не позволила русским войскам ворваться на карпатские перевалы на плечах стремительно откатывающегося противника.

Одно это известие было достойно общегосударственного траура, но после него почти синхронно пришли новости с юга и юго-востока. На юге, в Трансильвании, многочисленная русская кавалерия окончательно опрокинула двенадцатый армейский корпус, после чего весь юг Венгрии, как во времена Аттилы и Бату-хана, запольхал заревами пожарищ. Обходя укрепленные города, всадники царя Михаила подобно саранче уничтожали все, до чего могли дотянуться, в первую очередь обращая свое настойчивое внимание на железнодорожные станции и поместья аристократов, и словно бы брезгую жалкими хижинами крестьян. На юго-востоке русская пехота наконец-то прорвалась через Яблунецкий и Торуньский перевалы – и это означало, что упорная оборона на севере Карпат теряет всякий смысл. На протяжении пятисот километров фронт рухнул, и залатать эту дыру уже нечем, ведь в мире царя Михаила Германия – уже не союзник Австро-Венгрии, способной прислать на выручку свои контингенты, а претендент на часть наследства будущей покойницы.

И, будто всех этих известий было недостаточно для полного счастья, после полудня в Вену пришла новость, что генерал Бережной прорвал последний заслон на границе Словакии и Галиции, побрав при этом в плен большое количество ополченцев-словаков (как же побрал, сами сдались), и теперь в полной оперативной пустоте движется на Прессбург-Братиславу. А там, после того как часть войск отправилась усмирять сербский мятеж в Боснии, а часть оказалась включенной в группу генерала Кусманека, находится только небольшой гарнизон, который русским войскам на один зуб. Именно после этой новости император Франц Фердинанд приказал заложить коляску и выехал в Генштаб – разобраться с генералом фон Хётцендорфом в его родной стихии. Потеря этого пункта будет означать, что к горлу Двуетиной монархии, даже без учета ожидающегося германского вторжения, приставлен нож, и необходимо капитулировать как можно скорее, пока большая часть страны еще не охвачена войной и будущему королю Богемскому и венгерскому еще есть кем править. А ну как Богемию и Моравию оттягают к себе немцы или русские, а Венгрия окажется изрядно урезанной и разоренной войной до состояния пепелища...

Франц Конрад фон Хётцендорф встретил своего сюзерена нерадостно.

– Ситуация, ваше императорское величество, описанию цензурными словами не поддается, – сказал он, – а применять лексикон прусской казармы в присутствии столь высокопоставленной особы, как вы, я не хочу.

– Согласен с вами, – сухо кивнул Франц Фердинанд, усаживаясь в кресло, – поэтому давайте поговорим по существу. Скажите, мой дорогой Франц, мы уже проиграли эту войну?

– Я бы так не сказал, – проворчал генерал Конрад фон Хётцендорф, – у нас еще есть возможность потрепыхаться с месяц или около того.

– Не думаю, – покачал головой император Франц Фердинанд. – Все будет закончено уже через две недели. Добив Краков, русские высвободят целых две армии, поле чего либо бросят

их на Богемию, либо по пробитому Бережным проходу введут их с севера на венгерскую равнину. Пока война затрагивала только малообжитые окраины и Галицию, которую мы потеряем в любом случае, но в ближайшее время это должно измениться. После утраты нашей армией Прессбурга под ударом окажется сердце нашей страны, которое русские разорят с превеликим удовольствием. Когда все закончится, то я не хочу править сожженной и вытопанной страной, поэтому капитулировать нам лучше уже сейчас.

– А вы уверены, Ваше Императорское Величество, что, подписав акт капитуляции, останетесь на троне своих предков? – спросил генерал Конрад фон Хётцендорф.

– Уверен, – твердо сказал Франц Фердинанд, – австрийскую корону, конечно, нахлобучит на свою голову кайзер Вильгельм, возмечтавший собрать под своим скипетром всех немцев, а вот титулы короля Богемии и короля Венгрии у меня никто не отнимет. Не тот человек император Михаил, чтобы включать в состав своей державы чуждые ей куски. И в то же время, если мы проявим ненужное упрямство и нерасторопность, Богемия может уплыть из наших рук, оказавшись в составе Российской империи. Конечно, оставленные мне территории несколько урежут в пользу победителей, но вот то, что останется под моей властью, должно сохраниться в целом, не разграбленном состоянии. Вы поняли мою монаршую волю, дорогой Франц?

– Да, Ваше Императорское Величество, понял, – склонил голову начальник австрийского генерального штаба, – и не смею вам перечить. Сразу, как только вы сообщите мне, что договоренность с русским царем достигнута, я отдам приказ о прекращении боевых действий.

– Ну вот и замечательно, – сказал Франц Фердинанд, вставая, – я сейчас поеду в министерство иностранных дел, чтобы лично отдать приказ о начале переговоров. Пусть наш посол в Швейцарии встретится с российским послом и для начала сообщит, что я прошу экстренного перемирия. Уверен, что император Михаил на это не согласится, предложив в ответ безоговорочную капитуляцию – и я приму ее в самые кратчайшие сроки. В противном случае все закончится настолько плохо, что мне даже не хочется об этом думать. Желаю вам, дорогой Франц, продержаться те несколько дней, что понадобятся мне на все эти дипломатические демарши.

Сказав это, Франц Фердинанд вышел, а начальник австрийского генерального штаба вдруг задумался о том, что он будет делать, когда наступит это самое «потом»: примет германское подданство и поступит на службу к кайзеру Вильгельму или переберется в Будапешт, чтобы служить нынешнему господину. Но прийти к какому-либо мнению он так и не успел: его размышления прервал грохот сильнейшего взрыва, произошедшего прямо перед парадным подъездом, от которого во всем здании генерального штаба с жалобным звоном и треньканьем вылетели стекла. Несколько секунд спустя сквозь стоны раненых и истошное ржание умирающих лошадей донеслось несколько отчетливых выстрелов из автоматического пистолета, но генерал Конрад фон Хётцендорф их уже не слышал, потому что сбегал вниз по парадной лестнице, чтобы оказаться там, где и случилась непоправимое.

Первое, что он увидел, оказавшись у парадного входа, была разнесенная вдребезги коляска, мертвый кучер в щегольской ливрее, раненые, иссеченные осколками часовые почетного караула у входа. Но главным было тело императора в окровавленном мундире и с раздробленными ногами, лежавшее прямо возле коляски. Чуть в стороне двое дюжих солдат (видимо выскочивших на грохот взрыва из караулки) заламывали руки незнакомому фон Хётцендорфу человеку в мундире майора генерального штаба. А уж это было странно до невозможности, потому что всех майоров генерального штаба он знал в лицо...

Подбежавший караульный офицер, тряся контуженой головой, доложил, что все произошло в тот момент, когда император только собирался сесть в коляску. Бомбу метнули с проезжавшей мимо пролетки, но покушавшийся, очевидно, не рассчитал силу броска: взорвалась она под днищем коляски, а не внутри, как, надо думать, рассчитывали террористы. Этот взрыв убил кучера, искалечил лошадей, ранил стоящих у входа часовых и, видимо, раздробил императору ноги, потому что тот сразу упал. В этот момент к нему, как будто на помощь, подбежал

вон тот человек в мундире майора с генштабовским плюмажем на каске – он-то и выпустил в еще живого императора в упор всю обойму из автоматического пистолета Браунинга. Ну а потом его тут же схватили, как сейчас схватят и бомбометателя, которого взрывом выбросило из пролетки в протекающую тут же вдоль Шаллаутцерштрассе речку Вена (ага, ту самую, что и дала название городу). Больше начальник караула ничего не знает и знать не желает, потому что, мол, не его это дело – расследовать дела о цареубийствах. Тут как бы самому в живых остаться и не загреметь под фанфары.

13 июля 1908 года. полдень. Вена, Шаллаутцерштрассе, дом 6, Генеральный штаб Австро-Венгерской империи.

Делом об убийстве пусть и некоронованного (банально не успели) но все же самого настоящего императора Австро-Венгерской империи занялась военная контрразведка, самым естественным образом, «по праву первой ночи», заполучившая все улики по этому делу. А возглавлял это почтеннейшую организацию широко известный в нашей реальности полковник австро-венгерской армии Альфред Редль⁹, по совместительству агент русской разведки с 1903 года – такая вот ирония судьбы. В течение десяти лет этот человек, который должен был стоять на страже военных секретов Двуетной монархии, выдавал русскому командованию австрийских агентов в Петербурге, а также передал план австрийского вторжения в Сербию. И в той, и в другой версии истории информация, полученная через этого человека, позволила сербской армии с успехом противостоять австрийцам на начальном этапе мировой войны (до полумиллиона убитых с австрийской стороны).

Кстати, бомбист, выловленный из-вод Вены солдатами, оказался не мальчишкой, и не шуплым юношей, как казалось первоначально, а худощавой и злющей чернявой девкой, отчаянно матерящейся, путая русские и немецкие слова (идиш – испорченный вариант немецкого языка). Еврейки (причем российского происхождения) оказались и кучер пролетки, схваченный доблестными шутманами в двух кварталах от здания генштаба, и даже человек в мундире майора. На первый взгляд, казалось бы, все ясно: за убийством императора Франца Фердинанда должен стоять русский царь Михаил – и точка. Хотя, с точки зрения профессионалов контрразведки, взятые на горячем личности ничем не напоминали ни ликвидаторов ГУГБ, ни агентов Службы Специальных Операций ГРУ ГШ. Те – настоящие специалисты, а Франца Фердинанда убивали люди, которые больше рассчитывали на эффект внезапности, чем на какие-нибудь особые хитрости. К тому же у русских, и так уже почти выигравших свою войну, полностью отсутствовал всяческий мотив к убийству императора Франца Фердинанда.

Все прояснилось после того, как сотрудники полковника Редля применили к убийцам императора такое передовое техническое средство как электрошок (никаких сантиментов, все только в интересах дела). Нет, распяленная голышом на специальном станке девка как раз таки держалась стойко, хоть ты зажарь ее живьем... а вот «майор» сразу потек – как шоколадка в горячей ладошке ребенка. Помимо своей принадлежности к боевой организации эсеров, разгромленной в России ужасным ГУГБ, он выдал адрес конспиративной квартиры, где группа готовилась к совершению преступления. Австрийские контрики (впрочем, без всякой надежды на успех) метнулись туда и успели прихватить руководителя террористической группы (уже в состоянии агонии), а также собиравшегося на выход некоего человека в полном здравии,

⁹ Альфред Редль (14 марта 1864 – 25 мая 1913) – австрийский офицер контрразведки, начальник агентурного отделения разведывательного бюро генерального штаба. Руководил военной контрразведкой Австро-Венгрии в преддверии Первой мировой войны, славился внедрением в разведывательную практику передовых технических средств. С 1900 года работал в разведывательном бюро австрийского генерального штаба. В 1903 году Редль был завербован варшавским отделением русской разведки под угрозой предания огласке его гомосексуальных связей и вошел в историю шпионажа как один из самых известных двойных агентов того времени.

который при задержании предъявил французский дипломатический паспорт на имя господина Мориса Равеля.

Однако факт наличия дипломатического паспорта не возымел ни малейшего последствия. Офицеры контрразведки скрутили подозрительного господина, заткнули ему рот и вынесли из дома в мешке, как и труп руководителя террористической группы. Потом, мол, разберемся, кто и к чему причастен. И не прогадали. На очной ставке «майор» опознал таинственного господина (ибо даже последнему идиоту понятно, что никакой это не «Морис Равель») как некоего «месье Поля», пообещавшего руководителю группы за жизнь императора Франца Фердинанда миллион французских франков. Сыщики удивились такой наивности террористов, ибо от исполнителей грязных дел стараются избавиться чуть ли не раньше, чем те выполняют свою работу. Об этом свидетельствует труп руководителя группы, на котором сыщики обнаружили французские (опять же) документы на имя русского политического эмигранта Александра Яковлевича Гудкова. Документы, как установили специалисты, настоящие, а вот само имя может быть и поддельным. Как, собственно, и у «месье Поля».

Впрочем, заполучив в свои руки «представителя заказчика», следователи контрразведки на время оставили в покое непосредственных исполнителей теракта (ибо эти сязки слишком мало знают) и переключились на «француза». Начальник Генштаба генерал-полковник Франц Конрад фон Хётцендорф, за неимением бесспорного наследника престола объявивший себя регентом Австро-Венгерской империи и военным диктатором, требовал от следствия четкую и недвусмысленную информацию о том, кто же все-таки является заказчиком и бенефициаром этого преступления. И вот, когда следствие свернуло на французский след, в конце тоннеля наконец забрезжил яркий свет.

«Месье Поль» едва не потерял сознание, когда понял, что ему предстоит подвергнуться допросу третьей степени – когда истину из подследственного извлекают с той же бесцеремонностью, с какой добывают жемчужину из раковины моллюска. Он пытался чистосердечно рассказать своим палачам, что является капитаном французской армии Франсуа Ребером, состоящим на службе в пресловутом Втором Бюро¹⁰, но те поверили «месье Полю» далеко не сразу, сначала подвергнув его стандартной процедуре дознания. Слишком уж неожиданным было это признание. Франция была последней из стран, которые можно было бы заподозрить в причастности к этому преступлению. Но если «месье Поль» (то есть капитан Франсуа Робер) даже под пыткой повторяет, что получил приказ лично от начальника Второго Бюро полковника Шарля Жозефа Дюпона, то, значит, так оно и есть. К тому же не стоит забывать, что до скандального дела Дрейфуса Вторым Бюро руководил тогда еще полковник, а ныне генерал Пикар, в настоящий момент занимающий пост военного министра в кабинете Жоржа Клемансо...

Конечно, полковник Редль предпочел бы методы понадежнее, чем банальная пытка, пусть даже электрошоком. По некоторым данным, у русских имелась так называемая «сыворотка правды», применение которой позволяло, не тронув подследственного и пальцем, получать из него саму квинтэссенцию истины. Но ГУГБ надежно бережет этот секрет, так что всем остальным приходится действовать исключительно по старинке. Жалея о невозможности допросить с электрошоком полковника Дюпона, генерала Пикара и французского премьера Клемансо, полковник Редль завязал на тощенькой папке с надписью «Дело об убийстве императора Франца Фердинанда» ботиночные шнурки, после чего отправился на доклад к регенту (военному диктатору) Австро-Венгрии генерал-полковнику Францу Конраду фон Хётцендорфу, едва ли не ежечасно осведомлявшегося о ходе расследования.

¹⁰ Второе Бюро Генерального Штаба Третьей Республики занималось разведывательными и контрразведывательными операциями в колониях и за пределами французской территории; внутри французской Метрополии после злоупотреблений дела Дрейфуса контрразведка была отдана в подчинение МВД.

А в кабинете у регента (читай диктатора) с самого утра творился гибрид лупанара с бедламом, объятый пожаром во время наводнения. Помимо самого генерал-полковника, вынужденного руководить страной, проигрывающей войну против превосходящего противника, там же присутствовали министр-президент (*премьер-министр*) Цислейтании¹¹ Макс Владимир фон Бек, министр иностранных дел Алоиз фон Эренталь, а также наследники покойного императора (чтобы им пусто было): младший брат Фердинанд Карл и племянник Карл Франц Иосиф. Оба этих боковых побега на почти засохшем дереве рода Габсбургов подходили для занятия престола в воюющей стране примерно так же, как кони для хорового пения. Сорокалетний Фердинанд Карл не состоял в пристойном для престолонаследника браке и не имел детей, но был обременен туберкулезом, отчего часто терял сознание, а также запутался в делящейся с 1902 года внебрачной связи с проституированной Бертой Грубер. А Карл Франц Иосиф¹² и вовсе являлся девятнадцатилетним юношей, то есть до наступления возраста двадцать один год считался несовершеннолетним, а следовательно, в течение еще двух лет нуждался в опеке регентским советом.

– Давайте говорить по существу, господа, – в самом начале встречи сказал Франц Конрад фон Хётцендорф, – война, которую Австро-Венгерской империи объявил Континентальный Альянс, наша армия уже проиграла, даже при том, что ни один германский солдат в бою еще не побывал. Сразу скажу, что у нас нет никакой возможности переломить ход боевых действий. Русские, отказавшись от мобилизации и сосредоточив напротив наших границ одни лишь части постоянной готовности, опередили нас в развертывании, а также их армия превзошла нашу в качестве вооружения и уровне боевой подготовки. За несколько минут до смерти покойный император Франц Фердинанд побывал у меня в этом самом кабинете и высказал пожелание, чтобы наше правительство как можно скорее, пока война не разорила Центральную Венгрию, Богемию, Моравию, Верхнюю и Нижнюю Австрию, подписали акт о капитуляции перед Континентальным Альянсом. С болью в душе я был вынужден согласиться с Его императорским Величеством, потому что если посмотреть на ситуацию здраво, то эта война была проиграна нами еще до ее начала.

– Да, так и есть, – подтвердил Алоиз фон Эренталь, – с того момента, как от нас отшатнулся кайзер Вильгельм, вокруг Австро-Венгерской империи стала складываться обстановка все большей политической изоляции. Сначала из-под нашего контроля ускользнула Сербия, потом Болгария, румынский король был скорее лоялен Берлину, чем Вене, а наши ситуативные союзники – Британия, Франция и Турция – думают больше о своих интересах... При этом наш бывший союзник Германия теперь смотрит на нас как на будущую добычу. Кайзером Вильгельмом овладела идея загнать под свой скипетр всех немцев, так что кто бы ни наследовал злосчастному Францу Фердинанду, титул австрийского императора и, соответственно, земли Верхней и Нижней Австрии он в добровольно-принудительном порядке должен будет уступить германскому кайзеру. Когда-то Австрия вместе с Пруссией и Россией на троих разделили Речь Посполитую, и вот теперь настало время, когда делить будут уже нас самих...

Злобно осклабившись, Франц Конрад фон Хётцендорф сказал:

– По плану Михаила-Завоевателя, из тела Австро-Венгерской империи будут выкроены два независимых королевства: Чехии, включающей Богемию и Моравию за вычетом земель,

¹¹ Цислейтания (от лат. Cisleithania – «земля до реки Лайты») – в 1867–1918 годах, название одной из составных частей монархии Австро-Венгрии, земли, непосредственно подконтрольные австрийской имперской (а не венгерской королевской) короне. В австро-венгерский период под «Австрией» подразумевали Цислейтанскую половину государства в противоположность Транслейтанской, или Венгрии в более широком смысле. Территориально земли австрийской короны включали не только современную Австрию, но также Чехию и Словению, значительные области современных Хорватии, Польши и Украины, а также некоторые районы Италии (Гориция, Триест, часть Тироля). В составе Австро-Венгрии цислейтанские (австрийские) земли имели отдельный от венгерских парламент (Рейхсрат), правительство (возглавляемое министром-президентом) и некоторые другие органы управления.

¹² В нашей истории с 1916 года император Австро-Венгрии Карл I.

населенных преимущественно немцами, а также Венгрии, от которой отрежут Трансильванию и территории, населенные славянскими народами. Все остальное будет разделено «по справедливости» между победителями и их союзниками. Русские возьмут себе Галицию, Буковину и Словакию, румынам обещана Трансильвания, сербам – Босния, Герцеговина и населенные этим народом земли Хорватии. На Триест, Тироль и остальные территории, населенные славянами-католиками, претендует Италия... Предотвратить такого развития событий мы не сможем, а следовательно, прежде чем что-нибудь делать, надо понять, стоит ли вообще сотворять из присутствующих здесь осколков династии калифов на час только ради того, чтобы польстить их самолюбию?

После этих слов военного диктатора на несколько минут настала тишина, которую нарушил министр-президент Цислейтании.

– Вот так проходит слава мира, – с горечью сказал он, – еще недавно мы были одной из самых могущественных мировых держав, а сегодня нас делят как запеченного в духовке гуся, выложенного на праздничное блюдо. Я не буду задавать вопросов по поводу того, как такое могло случиться, ибо нашему военному поражению предшествовала внутренняя слабость. Сейчас надо говорить не о прошлом, посыпая голову пеплом, а о будущем...

– У нас нет будущего, господин фон Бек, – прервал своего давнего оппонента Алоиз фон Эренталь, – нас разорвут на куски, которые тут же будут сожраны победителями.

Министр иностранных дел и министр-президент Цислейтании представляли собой два противоположных полюса в австро-венгерской политике. И если Алоиз фон Эренталь представлял собой консервативное начало, агрессивно настроенное ко всему внешнему миру, то Макс Владимир фон Бек придерживался либерально-интернациональных позиций в своей деятельности, и за два последних года (пока находился у власти) провел множество реформ, смягчающих жизнь простонародья и усиливающих демократические начала в обществе. Так, при нем (вопреки сопротивлению ультраконсервативного Франца-Иосифа) было введено всеобщее избирательное право для мужчин, страхование рабочих на случай травм и увечий, и, кроме того, страхование пенсий. Также перед самой войной он добивался того, чтобы в Цислейтании вошел в действие всеобъемлющий кодекс законов о труде, списанный с аналогичного сборника законов, разработанного для Российской империи известным ренегатом от социал-демократии господином Ульяновым-Лениным. И вот теперь всем этим трудам предстояло пойти прахом. Галиция, как мнилось этому человеку, попадала под власть жестокой тирании, где есть замечательный трудовой кодекс, но нет вообще никакой демократии. Чехия уплывает в самостоятельное плавание, и непонятно, чего там еще нарешают господа чешские депутаты, обуянные местечковым патриотизмом. И лишь Австрия и некоторые другие земли, переходящие под власть Берлина, и дальше смогут пользоваться всеми преимуществами, которые дает сочетание либеральной демократии и махрового абсолютизма.

– Будущее у нас, господин фон Эренталь, есть в любом случае, – возразил министр-президент Цислейтании. – Это даже не подлежит обсуждению. Даже после того как мы потерпим окончательное поражение в этой войне, жизнь все равно продолжится в том или ином виде. Я считаю, что ради того, чтобы это продолжение не оказалось мучительно болезненным, уже сейчас следует предложить освободившуюся австрийскую императорскую корону кайзеру Германской Империи Вильгельму Второму. Одно дело – быть завоеванным грубой военной силой, и совсем другое – войти в состав единого немецкого государства добровольно, изъявляя при этом верноподданническое почтение. Король умер – да здравствует король, а ни одного из присутствующих здесь господ рейхстаг Цислейтании не собирается признавать в качестве своего законного императора. Так и в самом деле можно потерять вообще все.

– Либерал и пресмыкающийся предатель... – прошипел в сторону фон Бека министр иностранных дел, но осекся под тяжелым взглядом Франца Конрада фон Хётцендорфа.

– Я, собственно тоже думаю похожим образом, – с мрачным выражением лица произнес тот, – и такова же была последняя воля покойного императора. В нынешних условиях избрать на австрийский трон кого-то из этих господ означало бы пригласить императора Михаила к продолжению разорения наших территорий, а кайзера Вильгельма к тому, чтобы он взял нас не по доброму согласию, а силой... Если вам, Алоиз, нравится быть изнасилованным, то мне – нет. А еще в случае продолжения сопротивления ваша родная Богемия может утратить независимость и уйти в состав Российской Империи – ибо что с боя взято, то свято. Пройдет еще пара дней – и, закончив возиться со штурмом Кракова, русские смогут развернуть на запад целых две армии. А чехи, смею вам напомнить, воевать с русскими братушками не хотят, а посему богемский ландвер при их приближении по большей части попросту побросает оружие и разбежится, если не перейдет на сторону врага...

И тут Фердинанд Карл, до того молчавший, привстал с места.

– Господа, – бесцветным, не выражающим эмоций голосом сказал он, – если мне будет положена пенсия, приличествующая моему происхождению, то я обещаю удалиться в частную жизнь и более никогда не участвовать в политике. То, что я вообще пришел на эту встречу, было результатом какого-то наваждения...

– Вот это деловой разговор, – сказал министр-президент Цислейтании, – двести тысяч крон годовых, надеюсь, вас устроят?

– Вообще-то я рассчитывал как минимум на триста, – твердо заявил тот.

– Сойдемся на двухстах пятидесяти, – мрачно ухмыльнулся фон Бек, – а также на титуле графа Бурга, позволяющем вам жениться на любезной Берте, которую вы обхаживаете уже шесть лет. Частная жизнь в сельском поместье вместе с женой – что может быть лучше, чтобы дожить оставшиеся годы. Не так ли?

Выбывший из гонки претендент ничего не сказал, только растерянно кивнул, после чего, криво нахлобучив на голову шляпу, вышел из кабинета регента, в дверях как раз столкнувшись с полковником Редлем. Тот проводил уходящего внимательным взглядом, будто стараясь запомнить, после чего подошел к регенту и, положив перед ним папку с делом, вполголоса сказал:

– Расследование в общих чертах завершено. Убийство государя императора Франца Фердинанда было совершено группой русских эмигрантов из числа боевиков разгромленной в Российской империи партии социалистов-революционеров по заказу поступившему от их покровителей во Франции. При расследовании дела по горячим следам нами с поличным был взят посредник между исполнителями и заказчиком; на допросе этот человек признался в том, что он – капитан французской армии, выполняющий прямой приказ начальника Второго Бюро полковника Дюпона. А тому, как я понимаю, приказ отдал лично премьер Клемансо, но это уже находится за пределами нашего расследования...

Это заявление в полной тишине прозвучало как внезапный выстрел. Франц Конрад фон Хётцендорф не спеша развязал шнурки на папке, потом некоторое время перебирал бумаги, вчитываясь в некоторые из них.

– Такие дела либо раскрываются исключительно по горячим следам, либо не раскрываются вообще, – произнес он, как бы высказывая вслух свои мысли. – Вы проделали очень хорошую работу, Альфред, и в любое другое время могли бы рассчитывать на награду. Но с недавних пор сие уже не в наших возможностях... Впрочем, все еще может быть. Я думаю, что это дело заденет за живое и Берлин, и Петербург, которые свято отстаивают принцип неприкосновенности монархов – и, быть может, после окончания войны вы еще обзаведетесь германскими или русскими наградами, а может быть, и теми и другими сразу. А сейчас идите и постарайтесь на том же высоком уровне довести это дело до конца; хотя отчитываться по нему вам уже, наверное, придется перед другими людьми...

И после того, как полковник Редль вышел, Франц Конрад фон Хётцендорф добавил:

– Теперь, имея на руках предварительный результат следствия, доказывающий непричастность к случившемуся злодеянию государств-членов Континентального Альянса, я с чистой совестью могу выполнить волю покойного и передать приглашение кайзеру Вильгельму занять престол Австрийской империи, чтобы впоследствии передать его своим потомкам. Если Господу Богу так угодно существование единого германского государства, то пусть будет так. Что касается корон Богемии и Венгрии, то должен заметить, что по тамошним значительно более мягким законам брак покойного Франца Фердинанда с графиней Софьей Хотек фон Хотков унд Вогнин является вполне законным, а их дети, рожденные в этом браке, смогут унаследовать от отца богемский и венгерский престолы. Впрочем, это уже дело богемских и венгерских властей...

Вставая, министр-президент Цислейтании сказал:

– В таком случае, господин Конрад фон Хётцендорф, я немедленно отправлюсь в Рейхстаг, чтобы поставить этот вопрос перед господами депутатами и закрепить ваше решение парламентской резолюцией, которая придаст ему силу закона. Господин фон Эренталь, вы с нами или против нас?

Министр иностранных дел сказал:

– Я контрассигную подпись господина Конрада фон Хётцендорфа на документе, призывающем на престол кайзера Вильгельма, после чего подаю в отставку и полностью отстраняюсь от дел. Австрийской империи фактически с этого момента больше нет, а служить Богемии или Венгрии для меня будет мелко. А вы, юноша, – он кивнул в сторону Карла Франца Иосифа, – не смотрите на меня так, наивно хлопая глазами. Рано вам еще на престол, да и не признает вас никто – даже дикие хорваты, если их королевство, отдельное от сербского, будет выкроено русским императором из земель нашей империи...

14 июля 1908 года. Утро. Германская империя, Потсдам, Дворец Цецилиенгоф, рабочий кабинет кайзера Германской империи.

Присутствуют:

Кайзер Вильгельм II;

Начальник Генерального Штаба – генерал-полковник Гельмут Мольтке (младший);

Рейхсканцлер Германской империи – Бернгард фон Бюлов;

Статс-секретарь по иностранным делам – Вильгельм фон Шён.

– Господа! – радостно воскликнул германский кайзер, входя в кабинет, – я собрал вас здесь, чтобы сообщить то, что еще совсем неизвестно нашим газетчикам!

При этом вид у Вильгельма был радостно-приподнятый, резко контрастируя с унылыми лицами явившихся на эту встречу ни свет ни заря высших функционеров Второго Рейха.

Бернгард фон Бюлов траурным голосом произнес:

– Если вы, Ваше Королевское Величество, хотите рассказать нам об убийстве молодого австрийского императора, то мы о нем уже все знаем. Да и нет в этом деле ничего веселого.

Вильгельм тут же стер со своего лица идиотскую улыбку, надев подобающую случаю маску скорби и печали.

– Мне тоже жаль беднягу Франца Фердинанда, – вздохнув, сказал он, – ведь мы с ним даже не были врагами. Если бы старый осел Франц-Иосиф откинул копыта чуть раньше, его племянник смог бы выполнить свой план по реформированию Австро-Венгерской империи, а потом ввести ее в Континентальный Альянс. И только неистребимая враждебность старика (Франца-Иосифа) к России привела к тому, что мой кузен Михель решил полностью уничтожить его несуслазное лоскутное государство, не ограничиваясь в своих действиях полумерами.

Мольтке (младший) неожиданно спросил:

– Не знаю, как Ваше Королевское Величество, но я все никак не могу понять причину, по которой Франц-Иосиф так истово ненавидел Россию. Ведь за всю свою историю она не сделала

австрийцам ничего плохого, и даже, более того, частенько выручала их из весьма неприятных ситуаций.

– Понимаешь, мой добрый Гельмут, – ответил кайзер, – еще в те, старые годы, до пришествия к нам посланцев из будущего, меня тоже изрядно тревожила эта иррациональность в поведении моего брата, австро-венгерского императора. Ведь наш договор был составлен этим придурком Бисмарком таким образом, что мы вынуждены были бы вступить в войну даже в том случае, если бы ее инициатором была сама Австрия. Я много размышлял об этом и сделал определенные выводы...

– И что же вы придумали, Ваше Королевское Величество? – поинтересовался рейхсканцлер фон Бюлов.

– Все очень просто, мой добрый Бернгард, – победно усмехнулся кайзер, – причина ненависти Франца-Иосифа к России заключается как раз в той помощи по подавлению мятежа венгров, которую он получил от прадеда нынешнего русского императора. Страшное же унижение: не чувствовать себя хозяином в собственной стране, будучи вынужденным призвать иностранные войска для наведения в ней порядка и умирения бунтовщиков. Это все равно как если взрослый человек обгадится прямо на улице точно несмышленный малыш, а некто посторонний поможет подмыть ему испачканный зад и поменять загаженные панталоны. Если жертвой такого происшествия станет обидчивый ранимый человек вроде императора Франца-Иосифа, то его ненависть на всю жизнь к своему спасителю будет гарантирована.

– Пожалуй, вы правы, Ваше Королевское Величество, – под одобрительные кивки остальных присутствующих сказал рейхсканцлер фон Бюлов, – никаких других рациональных объяснений этой непонятной враждебности мне в голову не приходит. Какое счастье, что мы, немцы, во-первых, не столь обидчивы, как австрияки, а во-вторых, достаточно сильны и самостоятельны для того, чтобы сотрудничать с русскими как равные партнеры, извлекающие прибыль в соответствии со своим вкладом, а не как опекаемые иждивенцы, которых требуется вовремя кормить манной кашей и сажать на горшок.

– Все это хорошо, – сказал Мольтке (младший), – но я, например, все же хотел бы услышать ту новость, которой наш добрый кайзер собирался порадовать нас сегодняшним утром. Если о ней еще не пронюхали газетчики, то она, должно быть, совсем свежая, а раз нас ради нее собрали в такую рань – то сносшибательная.

– Вы совершенно правы, мой добрый Гельмут! – воскликнул кайзер, и усы его воинственно встопорщились, – уже после полудня вся Германия забуллит как горшок с супом на горячей плите. Собственно, таких новостей целых две, просто они между собой тесно связаны. Во-первых – австрийской военной контрразведке, которая вела следствие, меньше чем за сутки удалось по горячим следам раскрыть само убийство. Исполнители – русские террористы-революционеры, бежавшие в Европу от гнева брата нашего Михеля, ибо в России их вешают высоко, но коротко. Заказчик преступления – французское Второе Бюро. Его офицер попался с поличным на явочной квартире, использовавшейся убийцами Франца Фердинанда для подготовки своего преступления. Он явился туда, чтобы устранить главаря банды и уничтожить некоторые улики, но не преуспел, поскольку как раз в этот момент туда с обыском нагрянули австрийские контрразведчики. Таким образом, дело раскрыто: главным интересантом в нем являлась Франция, стремившаяся, как я предполагаю, предотвратить слишком быструю капитуляцию Австро-Венгрии. В Париже прекрасно помнят, как сорок два года назад император Франц-Иосиф, проиграв битву при Кёниггреце¹³, быстро признал поражение

¹³ Битва при Кёниггреце, она же битва при Садовой – главное сражение австро-прусской войны 1866 года, приведшее к быстрому поражению Австро-Венгрии и утраты этим государством доминирующего положения в германском мире.

и заключил мир с моим дедом Вильгельмом Первым, а также чем эта быстрая победа Пруссии в итоге обернулась для Франции¹⁴.

– Да, Ваше Королевское Величество, – кивнул Мольтке (младший), – это вполне правдоподобный мотив. Французы нас, немцев, одновременно и ненавидят, и боятся. Война с нами и русскими до последнего венгра и австрийца вполне может быть пределом их мечтаний в этом деле. А еще они могли желать всячески затруднить вам обретение австрийской короны. Других мотивов, кроме как внести побольше хаоса и исключить благопристойный финал этой войны, я в этом деле не вижу.

– Скорее всего, вы правы, мой добрый Гельмут, – согласился кайзер, – а вот Клемансо, без непосредственного одобрения которого не могло свершиться это преступление, жестоко ошибся. Австрийский главнокомандующий Франц Конрад фон Хётциндорф, после смерти императора Франца Фердинанда объявивший себя регентом империи, по здравому размышлению отдал австрийскую корону не кому-то из Габсбургов, а императору Германии, Вильгельму Второму Гогенцоллерну, то есть мне. И более того, это решение подтверждено австрийским рейхстагом. Правы были советники моего кузена Михеля, когда рекомендовали мне сидеть спокойно и не суетиться. Сами, мол, австрийцы придут и сами все предложат, да еще и с выражением верноподданнического почтения. Германия присоединяет Австрию не в громе пушек, ненависти и крови, а с доброго согласия и при любви своих новых подданных.

– Хох! – рявкнули вскочившие со своих мест генерал Мольтке и министры. – Да здравствует наш добрый кайзер!

– Да ладно уже вам! – отмахнулся Вильгельм, – как я вам и говорил, австрийская история для нас кончилась вполне благополучно. А с переходом под наш скипетр Австрии рассыпается и остальная конструкция бывшей империи Габсбургов. Королевство Богемии и Моравии теперь отдельно, Венгерское королевство тоже отдельно. Прага уже выслала моему кузену Михелю и мне предложение экстренно заключить перемирие и начать переговоры об их вступлении в Континентальный Альянс. Правда, в Будапеште пока думают, но это у них ненадолго. Регулярная австрийская армия уже покидает фронт и отходит на свою территорию, а гонведа, оставшегося в одиночестве, русским армиям хватит не более чем на пару укусов. Теперь, господа, нашей непосредственной заботой оказывается только Франция, и больше никто.

– Я думаю, Ваше Королевское Величество, – пробасил Мольтке (младший), – что после того как Франция была уличена в том, что непосредственно участвовала в цареубийстве, ни у вашего кузена Михеля, ни у дяди Альберта (*британский король Эдуард VII*) не возникнет никаких возражений против объявления войны этому гнусному государству, являющемуся рассадником безбожия, разврата и смут...

– Вы опоздали, Гельмут, – саркастически хмыкнул молчавший до того Вильгельм фон Шён, – не далее как через час после полуночи в наше ведомство поступила экстренная телеграмма, присланная нашим послом в Париже Гуго фон Радолин. Франция сама объявила нам войну, и сделала это гнусно, под покровом ночи, словно надеясь тем самым оттянуть свой неизбежный конец. Я не знаю, что так подействовало на пожирателей лягушек: то ли затеянная нами дезинформация по поводу нашей мнимой слабости и ожесточенного сопротивления австрийцев русским армиям, то ли Клемансо в голову ударил успех санкционированного им цареубийства – но, как и пожелал Его Королевское Величество, свою арию французская лягушка проквакала до конца как по нотам.

– Да это просто праздник какой-то! – воскликнул расчувствовавшийся кайзер, – тупоголовые лягушатники сами напрашиваются на хорошую порку. Теперь вы, Гельмут, телеграфируйте на Западный фронт сигнал «Валькирия». Пусть наши гусары начнут тревожить францу-

¹⁴ Через три года после австро-прусской войны случился франко-прусский конфликт, в котором Франция была вдребезги разгромлена.

зов своими наскоками, при необходимости сразу отходя на германскую территорию. Я надеюсь, что мой добрый Альфред (Шлиффен) окажется на высоте и доставит им удовольствие по полной программе. Мой добрый Вильгельм, телеграфируйте пожалуйста в Петербург, Лондон и другие страны Континентального Альянса, что мы приняли вызов подлых цареубийц и выходим на бой, после которого мир необратимо изменится. Все гнусное, мерзкое, развратное, либерально-республиканское из него исчезнет, заменившись простым и понятным консервативно-монархическим началом. Знаете, господа, передо мной немного приоткрыли завесу тайны и показали, во что этот мир превратится всего через сто лет – и могу сказать, что ради того, чтобы этого никогда не случилось, я готов сжечь хоть сто Парижей вместе со всеми их Луврами и древними соборами. Мерзкая клоака по сравнению с миром будущего полна благоухания и являет собой образчик чистоты. А начало всей той мерзости положили как раз французы. Помните: сейчас мы воюем за то, чтобы такое будущее никогда, никогда, не наступило в нашем мире. Бой идет не только за наше будущее, но и будущее наших детей, внуков, правнуков и других более отдаленных поколений германской нации. От нас и наших солдат сейчас зависит, кем станут наши потомки: дрожащими тварями или исполинами духа.

14 июля 1908 года. Утро. Российская империя, Петербургская губерния, Гатчина, Большой Гатчинский Дворец, рабочий кабинет императора Всероссийского.

Когда императору Михаилу летом становится душно в суетливом и кипящем активностью Санкт-Петербурге, он на личном литерном поезде выезжает вместе с семьей отдохнуть душой в Гатчину – место, где прошли его самые счастливые детские годы. Но и на отдыхе императора не оставляют дела. Мчаться на фронт и лично вникать во все подробности Михаил не собирается, ибо не хочет трогать то, что и без того хорошо работает, а то можно и сломать. Все управление боевыми действиями и страной осуществляется дистанционно. Императорская Ставка – учреждение удивительно компактное и способное перемещаться по России вслед за хозяином Земли Русской – размещена тут же, в Большом Гатчинском Дворце. Правда, не все дела можно делать дистанционно, иногда приходится брать работу на дом.

Вот и сейчас в Гатчину привезли румынскую королевскую семью – чтобы царь царей лично покарал или вознаградил этих людей – с одной стороны, доставивших ему беспокойство, а с другой, давших повод раз и навсегда выдернуть ноющий болю гнилой зуб. Здесь все. Патриарх семьи король Кароль Первый и его супруга Елизавета Нойвидская, их племянник и наследник кронпринц Фердинанд с супругой Марией Эдинбургской, а также их дети: пятнадцатилетний Кароль-младший, четырнадцатилетняя Елизавета, восьмилетняя Мария и пятилетний Николай. В настоящий момент в Румынии королевской семье делать нечего. Страна плотно оккупирована русскими и болгарскими войсками, и правит в Бухаресте Союзная Военная Администрация, возглавляемая адмиралом Дубасовым. А у этого «старого кадра» не забалуешь: только вякни – мигом выдернет ноги и заставит ходить на руках.

На руководство и некоторых рядовых членов национал-либеральной партии агенты ГУГБ охотятся как на каких-нибудь эсеров-максималистов, ибо велено считать, что именно эти люди стали виновниками трехдневной русско-румынской войны. По обнаружении их тут же тащат в военно-полевой суд, который в ритме конвейера штампует приговоры «десять лет без права переписки с конфискацией имущества». И первыми в сибирские тьмутаракани на стройки имперского социализма поехали как раз генералы и министры, шантажировавшие короля Кароля Первого отставкой и военным переворотом; следом потянулись и члены их семей. Кроме того, русские военные власти оперативно проводят следствие по поводу расстрелов крестьянских волнений годовалой давности – и все виновные отправляются по все тому же адресу. Вопрос будущего Румынии почти предрешен. Страну оперативно зачищают от старой элиты, ибо иначе нельзя. В старые мехи не вливают молодое вино: в таком случае и мехи лопнут, и вино пропадет.

И вот румынская ветвь Гогенцоллернов-Зигмариненов в полном составе стоит перед императором Михаилом. Вид у них – как у провинившихся школяров перед строгим директором гимназии. Это впечатление усугубляется тем, что рядом с русским императором, суровая до невозможности, стоит Нина Викторовна Антонова, единственная на этот момент женщина-генерал. В руках она держит большую папку из черной кожи, что делает ее схожей с классной дамой, приготовившейся оглашать список прегрешений нерадивых недорослей.

Скрипучим голосом румынский король спросил по-немецки:

– Надеюсь, Михель, ты приказал доставить нас сюда не для того, чтобы лично зачитать нам свой приговор и отправить в эту вашу ужасную Сибирь? А то твои сатрапы в Румынии творят такое, что не уместится ни в одну нормальную голову. наших верных слуг хватают, заковывают в железа и ссылают на каторгу, как будто это простые смертные. Но страдают не только люди, приближенные к нашей семье. Со страны буквально живьем сдирают кожу, ведь арестам и ссылкам подвергаются лучшие ее граждане: журналисты, адвокаты, депутаты, генералы и министры...

– Уж не эти ли «верные слуги», дядюшка Кароль, угрожали тебе военным переворотом, если ты согласишься на мое щедрое предложение разменять Добруджу на Трансильванию? – с ехидством спросил русский император на том же языке. – Так что не кожа это, а плесень. Если ее содрать, да хорошо отдраить каждый уголок вашей Румынии горячим щелоком, ей от этого будет только лучше.

В разговор включилась генерал Антонова, говоря также по-немецки:

– Но, к сожалению, это улучшение будет крайне недолгим. В нашей истории всегда случалось так, что даже при смене общественной формации новый политический строй с точностью копировал все родимые пятна и родовые язвы предшествовавшего государства, которое он низверг и разрушил до основания.

– Постойте-постойте, фрау Нина! – затряс головой румынский король, – вы тут нас обругали такими умными словами, что я почти ничего не понял.

Император Михаил пояснил королю:

– Госпожа Антонова сказала, что если в нынешней Румынии устроить революцию, вместо нынешних национал-либералов привести к власти радикальных марксистов, а в парламент вместо помещиков адвокатов, газетчиков и прочих политических шлюх, набрать рабочих от станка и крестьян от сохи, то всего через несколько лет, вы не увидите принципиальной разницы с государством-предшественником за исключением трескучей политической фразеологии. И при обратной замене марксистов на либералов и демократов произойдет то же. Как ни играй с политическими формами, Румыния всегда останется самой бедной, и в то же самое время самой жадной до чужих территорий страной с несчастным населением. И то же самое творится в единокровной вам Бессарабии. Пока эта территория находится в составе России, там все нормально. Но как только она становится независимой или присоединяется к Румынии, там начинается нищета, политические неурядицы и смуты на грани гражданской войны.

– Ах вот оно что... – прикусил губу румынский король, – и что же, по-вашему, уважаемая госпожа из будущего, следует предпринять, чтобы исправить сложившееся положение?

– Мы тоже не всемогущи, – пожала плечами генерал Антонова, – и в данном случае не можем придумать ничего иного, кроме как держать территорию Румынии в подчиненном нам состоянии: либо как вассальное княжество, либо как провинцию...

– Да, дядюшка Кароль? Ты какой вариант предпочитаешь? – спросил император Михаил.

– Я, Михель, хе-хе, предпочту почетную и добровольную отставку, – проскрипел престарелый король. – Вон, моя супруга жалуется, что я ношу корону даже во сне. Думаю, что не стоит ждать, когда за мной придет бледная с косой, лучше еще при жизни уступить место молодым. Не так ли, Лиззи?

– О, Кароль! – растроганно воскликнула супруга, прижимаясь к мужу. – Неужели на старости лет ты вдруг вспомнил о том, что у тебя есть жена?

– Вспомнил-вспомнил, – ответил король, – просто раньше у меня все время отнимали государственные обязанности и заботы, но теперь, когда Михель любезно освободил меня от этой тяготы, я вполне могу предаться радостям семейной жизни.

– Дядюшка! – воскликнула кронпринцесса Мария, – на кого же вы нас покидаете? Фердинанд! – обратилась она уже к мужу, – ну скажи же хоть что-нибудь, наконец, не стой будто истукан!

– Э-э-э... – сказал тот, – дядя Кароль совсем не собирается умирать. И вообще, дорогая, я не понимаю, чего ты так волнуешься...

– Я волнуюсь потому, что если дядя решил отречься от престола, то править Румынией придется тебе! – ответила та, – а это не такое простое дело, даже при том, что из независимого королевства она превратится в вассальное княжество...

– Так в чем же дело, дорогая кузина? – деланно удивился император Михаил. – Поскольку Румыния после этой войны будет переучреждена заново в качестве вассального княжества, то мы можем именно тебя сделать владетельной румынской княгиней, а твой супруг пойдет по второй категории как принц-консорт. Ведь ты у нас будешь познатнее своего мужа. Гогенцоллерны-Зигмаринены никогда и нигде не правили, за исключением Румынии, зато у тебя с одной стороны в предках британская королева не из последних, а с другой – династия Романовых, правящая самым крупным и могущественным государством на планете. «Великая румынская княгиня Мария Первая» – разве же это не звучит? Мой кузен Вильгельм через посредство подобных вассальных договоров управляет половиной Германии, а у меня в вассалах только хивинский хан да бухарский эмир. Так что мне есть куда расти...

– Ну, невестушка, вот ты и допрыгалась! – дребезжащим голосом засмеялся Кароль Первый. – Теперь твоя очередь таскать на голове дурацкую корону, подписывать смертные приговоры, а также помилования и выслушивать нудные дурацкие отчеты министров. Или, наверное, корону у тебя Михель все же отберет, ибо Великой княгине она станет не по чину...

– Ну почему же, дядюшка Кароль? – усмехнулся император Михаил, – корону вкупе с королевским титулом я твоей невестке могу оставить. Мне чужие регалии не нужны, хватает и своих. Вместо того я оставлю за собой право подписывать смертные приговоры и помилования, ибо жизнь и смерть поданных Российской империи должны находиться исключительно в ведении верховной власти. А еще вассальный монарх, выслушав отчеты своих министров, должен будет прибыть ко мне и держать отчет перед своим верховным сюзереном за плоды садов, полей и рек, рост и благосостояние населения и прочие результаты деятельности своего правительства. Ну что, Мария Альфредовна, ты на это согласна? В противном случае из Румынии будут нарезаны две новые губернии: Валахия и Молдавия, которые вкупе с Бессарабией непосредственно войдут в состав Российской империи. После того, что совсем недавно учинили ваши бояре, по-другому в данном случае никак.

– Вот это деловой разговор! – восхитился Кароль Первый, – я так не умею. Соглашайся, Мария – другого шанса сохранить это место за нашей семьей у тебя не будет.

– Э-э-э, Мария... – проблеял кронпринц Фердинанд, – действительно, соглашайся. Если так надо, то и я согласен. Никогда не мечтал править Румынией, и с радостью уступлю эту тяжкую обязанность тебе... Быть может, у тебя это получится лучше.

И тут вдруг снова заговорила Нина Викторовна Антонова:

– Насколько Румынии не везло на королей (Кароль Первый единственный не в счет), настолько же ей везло на королев, ибо замуж за румынских кронпринцев выходили девушки деятельные, живые и сострадающие своей несчастной новой родине...

– Я это знаю, – эхом отозвался император Михаил, – и именно поэтому сделал кузине Марии это предложение, а вовсе не из-за того, что она мне родня. Еще раз повторяю свой

вопрос, сударыня: вы согласны стать правящей королевой, подписав с Российской империей вассальный договор, или мне пустить вашу Румынию на мясо за ненадобностью? Правда, сразу должен сказать, что Добруджу я у вас все равно заберу, это не обсуждается. И дети ваши – те, что старше семи лет – должны будут проходить обучение в специальных заведениях Российской империи. Когда эти мальчики и девочки подрастут, им предстоит стать полезными членами общества, а не бездельниками и прожигателями жизни...

– Ладно, кузен! – махнула рукой Мария, – пусть будет по-твоему. Только обещай, что потом ты и госпожа Антонова расскажете мне, чем же мои дети вызвали ваше неудовольствие, раз вы назвали их бездельниками и прожигателями жизни. Для меня как для матери это очень и очень важно...

15 июля 1908 года. 17:15. Великобритания, Лондон, Белая гостиная Букингемского дворца.

Присутствуют:

Король Великобритании Эдуард VII (он же для друзей и близких Берти);

Лорд-протектор королевства – адмирал Джон Арбенотт Фишер (он же Джеки);

Министр иностранных дел – Уинстон Черчилль.

Король и адмирал Фишер, его верный клеврет, пили чай. В последнее столь бурное время такие встречи у них стали регулярными, а эта отличалась от прочих еще и тем, что на нее был приглашен Уинстон Черчилль – молодое дарование британской политики; король с адмиралом называли его просто Уинстон. Кстати, Клементина Хозье все же согласилась стать миссис Черчилль – правда, только со второго раза, когда жених вместе с цветами и презентом вручил ей визитную карточку, на которой рукой короля были начертаны слова: «Мисс Хозье, если вы выйдете замуж за мистера Уинстона Черчилля, то выполните мою монаршую волю. Эдуард Седьмой, для друзей просто Берти». Царь Петр когда-то примерно таким же образом женил своего арапа – так чем британский монарх хуже первого русского императора?

– Как я понимаю, – сказал Черчилль, – Лондонская конференция состоится уже после того, как в Европе рассеется дым и осядет пыль, поднятая в результате бурной деятельности императора Михаила и кайзера Вильгельма?

– Вы все правильно понимаете, – ответил адмирал Фишер, – именно тут, в городе, спасенном от разрушения русскими моряками, будет поставлена точка в затеянной русскими и немцами перепланировке Европы.

– Но только не думайте, что русские или немцы любой ценой нуждаются в легитимации своих территориальных приобретений, – проворчал король. – Если так сложится, то они преспокойненько обойдутся и без нашего одобрения. Но тогда плакало наше вступление в Континентальный Альянс и связанные с этим положительные моменты для нашей державы... зато отрицательных будет хоть отбавляй. Так что никакого повторения Берлинского или, не дай Бог, Парижского конгрессов быть не должно, никакого выкручивания рук и попыток лишить русских и немцев плодов их побед.

– Зато мы сами можем попытаться приобрести кое-что сверх запланированного, – сказал адмирал Фишер. – Если французы нарушат вечный нейтралитет Бельгии, мы получим право вступить в войну на стороне Континентального Альянса и немного урезать их территории в свою пользу. Совсем чуть-чуть – на город Кале и его окрестности...

– Все это хорошо, – сказал Черчилль, аккуратно отпив немного горячего чая из чашки, – но не зайдут ли эти изменения слишком далеко, не превратится ли Континентальный Альянс в монстра, которого уже невозможно будет победить никакими усилиями?

– Разумеется, превратится, Уинстон, – проворчал король, – он, собственно, уже стал таким монстром, и нечего поделаться с этим невозможно. У моего кузена Майкла и его советников из будущего на руках находится вся колода карт, а у нас только то, что они скинули

на стол с барского плеча. С германским кайзером в Петербурге, конечно, более откровенны, но ненамного. У русских есть свой проект будущего, который они воплощают со всей возможной решимостью. В этом будущем нет места ни Австро-Венгрии, ни Турции, возможно, даже Франции – потому русские и затеяли ту самую великую перестановку европейской мебели, наблюдаемую нами в настоящий момент. Зато они совсем не против нашего существования, в ином случае адмирал Ларионов просто не стал бы брать в жены мою дочь. Для русских браки заключаются на небесах, и супруги делят не только постель, но и души. А Тори – не побоюсь этого слова, это душа Британии. Поэтому, вместо того, чтобы бороться с русским проектом мироустройства, мы должны подключиться к нему и, возможно, в чем-то его даже возглавить. Если мы этого не сделаем, то не сумеем одновременно противостоять и континентам, и нашим заокеанским кузенам, уже поднявшим на щит свой «Манифест Очевидной судьбы». Сегодня эта их блажь касается только Нового Света, а уже завтра распространится на весь мир. Противостоять этому натиску безудержной алчности мы сможем только в одном строю с русскими, германцами и японцами.

– Простите за философский вопрос, Ваше Королевское Величество... – сказал Черчилль, – а у нас, британцев, есть собственный проект устройства будущего, отдельный от того, что исповедуют континенталы и наши братья по разуму, англоамериканцы?

– В том-то и дело, молодой человек, что нет, – вместо короля проворчал адмирал Фишер, – вместо проекта у нас имеется целая охапка нужного и ненужного, которую мы нахватили за время предыдущего царствования, и желание хапать еще и еще, называемое «вечными британскими интересами». Если мы откажемся от этого, с позволения сказать, проекта, нас не поймет собственный народ, что чревато величайшими политическими потрясениями. Народ Британии согласен простить своим правителям очень многое, но только не отступление с достигнутых геополитических позиций.

– Да, это правда, – согласился Черчилль, – я и сам такой. Величие Великобритании для меня важнее всего...

– Призрак Величия, – хмыкнул король. – Ибо мы с Джеки много раз обсуждали этот вопрос и пришли к выводу, что наше могущество покоится на весьма зыбком фундаменте. Точнее, мы сами разрушаем свой фундамент, вытаскивая камни из-под основания, лишь бы еще на пару футов поднять вверх стены. Рано или поздно под натиском внешних сил и непогоды эта халабуда рухнет со страшным грохотом и погребет под собой так лелеемый вами Pax Britannica. Вот тогда британский народ, уставший и обескровленный, согласится на отступление, но будет поздно. Деградация, наступившая вследствие накопившейся усталости, станет необратимой, и мы скатимся на уровень какой-нибудь Дании или Швеции – маленькой страны, для которой все уже в прошлом. Метеор – он ведь тоже случился не просто так. Там, в другой истории, он грохнулся в безлюдной сибирской тайге, и очевидцами его буйства было не более сотни человек. Здесь Господь решил все по-иному и направил этот булыжник почти прямоком на Лондон, одновременно испытывая и русских и британцев. Русские свое испытание выдержали с честью, а вот Британия, особенно ее правительство, как вы знаете, оказалась не на высоте.

– Но ты-то, Берти, совсем не ударил в грязь лицом, – парировал адмирал Фишер, – и Уинстон, и многие другие, которые не бросились в безоглядное бегство, и в то же время не участвовали в бесчинствах и погромах.

– Вот как раз это говорит о том, что у нашей нации еще есть шанс, – парировал король, – там, в другом мире, мы пали в ничтожество после двух жесточайших войн, по сравнению с которыми знакомая вам война с бурами выглядела не более чем летними маневрами. В этом новом прекрасном мире, который строит для нас всех кузен Майкл, мы должны всячески избегать военных и политических авантур. Впрочем, на лондонской конференции не все будет так просто, как нам хотелось бы. Одной фиксацией достигнутых политических рубежей дело явно не ограничится. Будущее Франции, скорее всего, станет предметом обсуждения, но не в смысле

ограничения русских и германских интересов, а в смысле пристойного погребения старухи в красной шапке, сто лет изводившей мир своими завиральными идеями, а также дележа оставшегося от нее наследства. Вот где будет сломано немало копий и сожжено немало дров.

– Вы, Ваше Королевское Величество, предполагаете выдвинуть претензии на часть французских колоний? – осторожно спросил Черчилль.

– Да нет, Уинстон, Господь с вами, – невесело засмеялся король, – все это французское колониальное добро, так сказать, оптом, я готов всучить своему племяннику Уильяму за пару гнутых фартингов. Как уже сказал Джеки – если бы не внутривластные обстоятельства, я бы еще устроил сортировку наших колониальных владений, повыбрасывая половину за ненадобностью, ибо они вытягивают соки из метрополии, не принося ничего взамен. Говоря о дележе наследства, я имел в виду территорию самой Франции, ибо просто уничтожить их Третью Республику будет недостаточно. Уже через небольшое время мы можем обнаружить, что убитое чудовище вновь возродилось из пепла и снова отравляет нас своими либеральными миазмами. Если вы хотите знать, к чему все это приведет всего через сто лет, то проштудируйте исторические материалы по периоду упадка языческого Рима. Истории свойственно повторяться, и иногда в весьма уродливом виде. Наша аристократия в смысле нарушения христианской морали и благочестия тоже далеко не безгрешна, но мировую моду на разврат и извращения продвигают в массы именно французы...

– Вы, Ваше Королевское Величество, считаете эту моду на распушенное поведение экзистенциальной угрозой для благополучия Британии? – спросил Черчилль. – Мне такие тенденции тоже не нравятся, но я бы не выставлял их на первый план, а предпочел бы бороться с чем-то более материальным, чем абстрактные идеи свободы, равенства и братства.

Назидательным тоном король сказал:

– У кузена Майкла служит министром труда один ренегат от социал-демократии господин Ульянов-Ленин. Так вот, однажды он сказал, что идеи, овладевая массами, превращаются в материальную силу. А потом, пару лет спустя, добавил, что это касается любых идей, а не только милых его сердцу марксистских умопостроений. По-моему, не в бровь, а в глаз.

Адмирал Фишер добавил:

– Сто лет назад фанатики под эти идеи поотрубали во Франции множество голов и почти на тридцать лет погрузили Европу в эпоху перманентных войн. Так что не стоит относиться к идеям настолько легкомысленно. Их стоит приручать, пестовать, проводить селекцию, а совсем уже сорные – выпалывать из людских голов безо всякой пощады.

– Вот-вот, Джеки, – подтвердил король, – все именно так. У нас с германским кайзером Уильямом сложилось четкое мнение, что раз уж без франко-германской войны не обойтись, то территорию, оставшуюся после похорон старухи с красной шапкой, необходимо расчленить по региональному принципу, а население этих земель перевоспитать в соответствии с традиционными ценностями. Но мой кузен Майкл – очень сентиментальный мальчик, и может воспротивиться этому нашему плану. Кабаре «Мулен Руж», канкан и «Марсельеза» кажутся ему сокровищами мировой культуры, которые ни в коем случае не стоит разрушать. А по нашему англо-германскому мнению, все это – Вавилон, Содом и Гоморра в одном флаконе. Я, конечно не столь суров и аскетичен, как моя дражайшая почившая в бозе маман, и тоже способен на безумства, но эти безумства должны быть благопристойны, и их ни при каких обстоятельствах нельзя выставлять напоказ... Впрочем, Уинстон, все это мелочи. Вы должны понять только то, что во французском вопросе вы по умолчанию должны поддерживать притязания германской стороны, лишь иногда смягчая своим британским рационализмом ярость тевтонских формулировок. Надеюсь, вы меня поняли?

– Да, Ваше Королевское Величество, – подтвердил Черчилль, – по французскому вопросу я все понял. Что касается всего прочего, то, как я понимаю, никаких особых интересов в Турции и на руинах Австро-Венгрии у нас не имеется?

– Интересы, как вы метко выразились на руинах Австро-Венгрии у нас могли бы появиться только в том случае, если бы мы, как во времена моей маман, повсюду бы старались поступать наперекор России и Германии, – сказал король. – Но с тех пор как эти две державы между собой спелись, такая политика стала крайне непродуктивной и опасной, а потому оставлена нами в прошлом. Эта страница истории перевернута и более никогда не вернется. Раздел покойной империи Габсбургов осуществлен Майклом и Уильямом по уже упомянутому региональному признаку и, что больше всего радует, обошелся без всякого нашего участия. На тех территориях просто нет того, что понадобилось бы нам позарез. И еще. У меня просто от души отлегло, когда выяснилось, что Великобритания полностью непричастна к злодейскому убийству императора Франца Фердинанда, правившего всего несколько дней...

– Ваше Королевское Величество, – опустив глаза, сказал Черчилль, – в некоторых газетах писали, что к убийству вашего сына перед самым падением Метеора может быть причастно ужасное русское ГУГБ, отомстившее таким образом за убийство царя Николая Второго...

– В наших британских газетах иногда пишут разные глупости, – меланхолично произнес король, – что неизбежно при практикуемой у нас свободе слова. Следы в деле об убийстве бедняги Георга ведут за океан, к тамошней общине ирландцев-эмигрантов. И точка. Имитация под работу ликвидаторов ГУГБ была выполнена весьма топорно, и в Скотланд-Ярде сразу распознали несуразицу. И хватит об этом. Что касается Балканского и турецкого вопросов, затянутых в один запутанный узел, то их мы в общих чертах урегулировали еще на встрече в Ревеле. Тогда Майкл и Уильям согласились за доброжелательный нейтралитет в турецком вопросе отдать нам всю Аравию. И мы согласились – в основном из-за того же британского общественного мнения, которое расценит это как победу. На севере Балкан камнем преткновения могут стать территории, населенные славянами-католиками, которые не попадают в сферу притяжения Сербии. Хорватия, Истрия, Краина, часть Славонии как бы оказались бесхозными, и на них теперь претендует не сделавшая ни одного выстрела Италия – только потому, что жена нынешнего короля – это принявшая католичество черногорка. Возникает законный вопрос: а за какие, собственно, заслуги и особые качества итальянцам на хлеб мазать такой толстый слой масла? Нам эти территории тоже ни к чему, но вы, Уинстон, должны пробить вопрос о том, что из этих земель по образцу Богемии и Венгрии должно быть сформировано еще одно независимое королевство хорватов и словенцев, незаменимое в деле создания равновесия на Балканах. За то время, что осталось до Лондонской конференции, мы с германским кайзером постараемся подыскать подходящего принца-католика, чтобы выдвинуть его на хорватский престол. А итальянцы обойдутся – точно так же, как греки обошлись без Салоник. Надеюсь, Уинстон, в этом вопросе вам все понятно?

– Да, Ваше Королевское Величество, – сказал Черчилль, вставая, – теперь мне понятно все. Я тут на днях постараюсь систематизировать предложенные вами тезисы, превратив их в цельную и неразрывную программу британской внешней политики, а потом представлю ее вам на утверждение. А сейчас разрешите откланяться – мне не терпится приступить к работе.

– Идите, Уинстон, – сказал король. И, когда Черчилль вышел, добавил: – Дело сделано – и теперь, Джеки, нам осталось только молиться, чтобы все прошло именно так, как нам надо.

16 июля 1908 года, утро, Париж, авеню дю Колонель Боннэ, дом 11-бис, квартира Дмитрия Мережковского и Зинаиды Гиппиус, Зинаида Гиппиус, литератор, философ и добровольная изгнанница, окончательно решившая вернуться.

Две недели прошло с нашего последнего разговора. Две недели, наполненные тоской и тревогой оттого, что мой муж не пожелал прислушаться к моим доводам. Сам он был тверд в своем решении. Он и слышать не хотел о том, чтобы вернуться в Россию. Очевидно, он думал, что на меня нашло помрачение, когда я об этом говорила. Поэтому эти две недели он был

ласков и тих. Он был уверен, что у меня это пройдет. Он даже гулял со мной... Но какую же скуку навевали на меня эти прогулки! Все было не так, как раньше – когда мы увлеченно беседовали, остроумничая друг перед другом, блистая цитатами и сыпля перлами. Я не хотела признавать, я гнала прочь это чувство, но... неизменно ловила себя на том, что мой муж меня раздражает. Это было нечто новое. Я никогда не могла предположить, что стану испытывать к нему подобное. Да почему же так происходит?! И еще мне было жаль его – такого горделивого в своем нелепом упрямстве. Впрочем, я больше не поднимала ту тему. Кажется, Дмитрий решил, что я оставила эту затею; он считал, что поступает весьма благоразумно, он не напоминал мне о моем временном «умопомешательстве». Мой муж перестал чувствовать меня... Он считал, что все в порядке. То, что я стала молчаливой и задумчивой, его не настораживало. Он, очевидно, думал, что я все еще под впечатлением от Кометы.

Но сегодня... сегодня я была охвачена небывалой решимостью поставить окончательную точку в наших отношениях. Потому что я знала, что уеду в Россию. С ним или без него. Зов этот был силен и непреодолим. Да и все складывалось так, что решать надо было сейчас. Два дня назад Франция, введенная в заблуждение ловкими берлинскими мошенниками, объявила войну Германии. Все французские газеты заполнили статьи о том, что Германия попала в трудное положение, и поэтому – вперед, на Эльзас и Лотарингию и дальше на Берлин. В печати даже приводились данные о численности французской и немецкой армии, по которым выходило, что Германия будет разгромлена с первого же французского удара. Грохот барабанов войны, доносящийся с газетных страниц, буквально оглушал, сводя французов с ума, но я, воспринимающая все трезвым умом, попросту испугалась. Со стороны французского правительства этот шаг был самоубийством. Я чувствовала, что тут что-то не то. Не может быть слабой страна, превосходящая Францию в полтора раза по населению в два раза по промышленному производству. Если кайзер Вильгельм притворяется слабой овечкой (лично я в это ни за что не поверю), то это ему зачем-то нужно. Наверняка, думала я, в этом кроется какая-то хитрость. Наверняка на французских политиков нашло помутнение, быть может, даже связанное с пролетом кометы. Бесславно сбежавшие их Парижа, они теперь хотят обелить свое имя хоть какой-нибудь победой.

Но не успели сторонники похода на Берлин выпить открытое шампанское, как стало известно, что никакого трудного положения у Германии нет, что Австро-Венгрия после убийства последнего императора самоликвидировалась, а корону австрийского императора, главную из трех, регентский совет при полном одобрении Рейхстага преподнес германскому кайзеру Вильгельму. Премьер-министра Жоржа Клемансо, который вынудил президента Аристида Бриана объявить Германии войну, тут называют тигром. Мол, он такой внезапный и беспощадный, всегда добивается того, чего хочет. В таком случае, подумала я, Вильгельм – это охотник на тигров, в шапочке с пером и большим ружьем, спрятавшийся в засаде, привязав на видном месте отчаянно блеющего козленка. Что ему тигр – грянет выстрел, и будет еще одна шкура на стене.

Всем известно, что Вильгельм давно пытался получить согласие нынешнего русского царя на поход на Париж. Тот не давал, не давал, а сейчас, видимо, дал. А почему? А потому что все проблемы России в Европе или уже решены, или решатся в самое ближайшее время. Пора дать ребенку Вильгельму сладкое – то есть Францию. И несмотря на то, что русские солдаты не будут принимать участия в сражениях, а Петербург не объявит войны Парижу, песенка Франции спета. Сорок лет назад подобная комбинация обернулась тем, что Франция оказалась разгромлена, а Париж из блестящей культурной столицы мира превратился в арену боев и рассадник ужасающих смут. Вот и сейчас я почувствовала, что угроза становится физически осязаемой и неотвратимой. Из Парижа и из Франции вообще требовалось уехать как можно скорее по соображениям безопасности. И к тому же меня еще сильнее потянуло в Россию –

туда, где восходит солнце нового прекрасного мира, в котором, как говорят, суровая простота сочетается с нежной добротой и утонченной чувственностью.

Я решила поговорить об этом с мужем во время прогулки. Мне не хотелось, чтобы свидетелями нашего окончательного серьезного разговора были стены нашей квартиры: пусть лучше его слышат вековые деревья на бульваре, каменный парапет на набережной, вода в Сене и... ну это неважно: все что угодно, только не наше уютное гнездышко, которое не должно знать о том, что наше единое целое распалось на две отдельных половины... Я надеялась, что в таком случае этот разговор не будет носить столь яркий оттенок трагичности... Наверняка он приведет к расставанию, да только оно не будет уже таким болезненным, как могло быть.

Вечерний Париж... Да, он прекрасен. Но я вижу его в последний раз, и это наполняет меня светлой ностальгией... Мы неторопливо идем по набережной вдоль Сены, глядя на медленно текущую воду. Мы молчим, думая совершенно о разном.

– Дмитрий... – сказала я наконец, – я думаю, что нам нужно немедленно уехать из Парижа, потому что он перестал быть безопасным местом. Ты же знаешь, что я ведьма? Так вот, всей своей сущностью я ощущаю угрожающую нам тут опасность.

– Я не понимаю тебя, Зиночка, – сказал Дмитрий, беря меня за руку и с тревогой заглядывая в глаза, – ты что, опять взялась за свое?

– Да, за свое! – сказала я несколько резко. – Пойми: в той войне, что началась из-за самонадеянности Клемансо, Франция, как и сорок лет назад, потерпит поражение! Германские гренадеры – это угроза значительно страшнее Кометы. Кайзер Вильгельм получил австрийскую корону без единого выстрела – и теперь Германия, набравшись невиданной ранее мощи, будет только рада вогнать в полное ничтожество своего извечного врага Францию.

– Все это, ерунда, Зиночка! – воскликнул мой супруг, даже приостановившись. – Прошу тебя, больше не читай этих дурацких газет! Редакторы нагнетают страсти ради увеличения тиражей, а на самом деле будет все то же, что и с Кометой – то есть ровным счетом ничего. Война закончится стычками на границе и признанием статус-кво. Ничего другого в наше тихое мирное время быть не может...

– Наше тихое мирное время закончилось четыре с половиной года назад с появлением будущенцев, – сказала я. – С тех пор войны ведутся до полного разгрома врага. Вспомни, что тогда случилось с Японией. Страна, начавшая войну, потом униженно просила пощады у силы неодолимой мощи. Да и сейчас. Турция была разгромлена меньше чем за месяц, а ведь против нее не воевал ни один русский солдат. В это время армии царя Михаила всего за десять дней нанесли поражение Австро-Венгрии...

– Этот твой император Михаил страшнее Антихриста! – выкрикнул в ответ Дмитрий, – а потому ни в какую Россию я не поеду! И вообще, если даже все будет так, как ты говоришь, то ничего особо страшного не произойдет, потому что немцы – это культурная нация, которая не может совершать никаких преступлений!

– Нет, – ответила я, качая головой, – ты не прав. Чтобы понять, как все это будет, достаточно только почитать германские газеты – там выражается острое сожаление о том, что метеор не ударил по Парижу и не стер его с лица земли. Для «культурных» германцев поедатели лягушачьих лапок – это не люди, а нечто вроде разновидности шимпанзе, а поэтому зверствовать они над побежденными будут страшно...

– Может ты и права, Зиночка, – примирительно ответил Дмитрий, – но в последнее время мне кажется, что вообще весь мир сошел с ума, что бывает только перед концом света. Если не Комета, так что-нибудь другое разрушит этот бранный мир до основания... поэтому не лучше ли отбросить суету, а вместо этого принять позу поудобнее и созерцать, как вокруг весь мир летит в тартарары... Помнишь, как мы смотрели на Комету? Именно тогда я понял, что удовольствие можно получить даже от Конца Света...

С горечью я убедилась, что это – конец. Я уеду одна. Он, правда, пока еще уверен, что на этот шаг я не решусь... Он разговаривает даже слегка покровительственно, точно с неразумным ребенком. И опять во мне глухо рычит раздражение... И тихо попискивает Нежность, и стонет умирающая Любовь... Но супруг мой глух. О нет, это не я, это он – безумец! И между нами – черный непреодолимый космос. То, что я могу взять его за руку – все лишь иллюзия. Его уже нет у меня... Мы больше не одно целое. И я точно знаю, что сделаю, когда мы вернемся домой...

А когда мы вошли в свою квартиру – такую уютную в сгустившихся сумерках – я прошла в комнату и принялась собирать вещи. Четкими и размеренными были мои движения. Не дрожали мои руки, сухи были глаза. Лишь где-то в самой глубине сердца трепетало что-то щемящее – теплое и скорбное одновременно – то, чему нет названия...

А он не слышал и не понимал, что происходит. До меня доносилось его глухое бормотание: это он, погрузившись в привычный омут повседневности, комментировал очередные прочитанные новости. Я еще зайду и скажу все необходимые слова... Я прощаюсь с ним по-человечески, тепло и сердечно, поблагодарю его за все. Он не будет меня удерживать. Будет ли он расстроен? Наверное... Но я уверена, что он не опоплит наше расставание мещанским драматизмом. Он не такой. Он не станет взывать к чувствам и разрывать мою душу... Пусть будет так. Пусть он останется верным себе до конца.

– Зинуша, что ты делаешь? – Он стоял на пороге с газетой в руках, недоуменно моргая.

Я не обернулась, продолжая складывать свои вещи. Я молчала, думая о том, что он очень странно обратился ко мне: никогда прежде он не употреблял мое имя в такой форме.

– Зина... что происходит? – Голос его был глухим, незнакомые нотки тревожного надрыва зазвучали в нем вполне отчетливо.

Я выпрямилась и медленно развернулась к нему.

– Думаю, ты прекрасно понимаешь, что я делаю, – сказала я, глядя на него в упор.

Никогда еще я не видела его таким... напуганным и ошарашенным. Его губы подергивались; он медленно переводил взгляд с моего лица мой раскрытый чемодан.

– Постой, Зина... – он вытянул вперед руку в останавливающем жесте. – Ты... ты что же... ты от меня уходишь?

– Я уезжаю в Россию, – сказала я, и голос мой прозвучал удивительно твердо и даже воодушевленно. – Завтра утром я сяду на поезд и покину Францию... Там у меня дом, там моя Родина, там меня ждут сестры, письмам которых я не верила этих долгих четыре года...

– А... а как же я?

Эта его фраза неприятно царапнула меня. Все шло не так, как я надеялась. Мещанский драматизм уже накрыл происходящую между нами сцену. И вместе с острой жалостью к нему, своему супругу, вместе с любовью к нему, я вновь чувствовала раздражение... «Как же я?» – как глупо, пошло и как душераздирающе...

– Не нужно этого спектакля, Дмитрий, прошу тебя, – холодно сказала я ему, тоже выставив вперед руку. – Мы все обсудили, и теперь не мешай мне.

– Но... но почему так резко... почему именно сейчас? – принялся он жалобно и растерянно бормотать, и глаза его подозрительно заблестели.

Он тяжело дышал и был бледен. Попыток приблизиться ко мне он не предпринимал, лишь оперся спиной о косяк, как если бы у него начали подгибаться ноги.

– Послушай, Дмитрий... – тихо произнесла я, – ты не желал услышать меня прежде – и вот настал тот момент, когда я больше не могу тут оставаться. Видишь ли, я не привыкла вот так, не трепыхаясь, идти ко дну. Пока ходят поезда, необходимо убираться из этого Парижа подобру-поздорову! Ты понимаешь, что уж завтра может начаться такое, что уходить придется пешком с котомкой в руках? Я пыталась убедить тебя уехать, но ты упорствовал. И вот теперь мне пришлось сделать выбор – быть может, важнейший в моей жизни. Мне очень жаль... Но я

больше не стану настаивать и склонять тебя к своему решению. Ты свободен в своем выборе, и то, что я твоя жена, ничего не значит, ты прекрасно знаешь, как я отношусь к браку – это союз двух единомышленников. Но мы с тобой перестали быть единомышленниками – что ж, такое иногда случается. Комета ли тому виной? Да, она – но как символ происходящих перемен и в мире, и в сознании людей. И если ты после Кометы впал в еще больший фатализм, то мне это явление помогло многое переосмыслить, а то, что стало происходить после – позвало меня туда, где бьется самый пульс Жизни! Все блекло и уныло по сравнению с тем ярким рассветом, что горит нынче над Россией! Я уезжаю, Дмитрий. Давай обойдемся без всего этого... без соплей и пошлости.

Он судорожно потер шею. Кивнул. Отвел глаза и проговорил чужим, бесцветным голосом:

– Хорошо, Зина... Прости меня... Я действительно не готов вернуться в Россию... Ты во всем права. Я принимаю твой выбор и желаю тебе удачи. Думаю, более нет смысла отговаривать тебя... Но ты пиши мне. Ты пиши... – Последние слова он произнес каким-то сильным шепотом и, резко развернувшись, едва ли не бегом бросился в зал.

Я села на край кровати и обхватила лицо руками. Нет, я по-прежнему не испытывала никаких сомнений. Но мне необходимо было мысленно, в одиночестве, попрощаться со всей своей прежней жизнью...

Утром он проводил меня на вокзал. Мы прощались словно добрые друзья, и он даже старался быть бодрым. Я была глубоко благодарна ему за это. Напоследок мы крепко обнялись и неловко поцеловались...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.